ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПОКОЛЕНИЯ ТОВАРИЩЕЙ
Фотоочерк В. Очеретина, И. Тункеля.
Новая поэма В. Кулемина «ОТЕЦ»
ИНТЕРВЬЮ С ГИЗЕНГОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 24 (1825)
10 ИЮНЯ 1962
40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

– Это было тогда, когда я была молоденькой...

ПОКОЛЕНИЯ ТОВАРИЩ

В. ОЧЕРЕТИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Фотокадр — остановленное мгновение быстротекущей жизни. Оно бывает и торжественным, и грустным, и милым, и забавным. Но это всегда жизнь, миг ее движения, хорошо иль плохо запечатленный фотохудожником.

Десять снимков посвятил корреспондент «Огонька» извечной теме, волнующей все поколения человечества,— отцы и дети. Первый сделан на выставке у картины А. Дейнеки «Оборона Петрограда». Вот уж сколько лет возле нее всегда народ! В суровом ритме шагают молодые люди с винтовками на плечах и за плечами. То пороховая юность наших отцов.

А остальные снимки сделаны у нас, на Урале, в городе Первоуральске, на Новотрубном заводе. Когда-то Первоуральск именовался Шайтанкой, старожилов еще и сейчас в шутку называют шайтанами. Теперь новая часть Первоуральска подобна Юго-Западному району Москвы в миниатюре. Это город трубопрокатчиков, где дети славятся именами отцов, по народной пословице.

Уральцы любят свой Первоуральск. Трубы нужны всем. И в городе постоянно встретишь множество представителей других заводов, начиная от «толкачей», кончая экскурсиями, приехавшими позаимствовать хорошее, поучиться. В здоровом трудовом коллективе, где старшие мудры опытом и ясностью цели, а младшие умны новыми техническими знаниями и горячи, спешливы неуемной энергией, здесь с удовольствием говорят об извечной проблеме человечества: эстафета поколений.

Если сердца отцов и детей едины, земля превратится в золото, а горы — в драгоценный малахит, говорится в старой уральской легенде. Если лампа над именем дедов гаснет, ее надо заменить. Вы видите мальчишку Вову — внука кочегара с «Авроры» Михаила Пономарева. Братья Пономаревы — легендарные герои гражданской войны на Урале, их име-

Продолжение на 10-й стр.

ЕЙ

Дворец пионеров и школьников

«Юные пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!» Детские голоса, слившиеся в один, ответили: «Всегда готовы!» Ленточка перерезана. Московский Дворец пионеров и школьников открыт. Гости разошлись по огромным залам, мастерским и студиям. И, наверное, каждый думал о том, что Дворец похож на корабль, на всех парусах отплывший в будущее. И каждый, обращаясь к творцам этого Дворца-корабля, мог повторить слова, сказанные Никитой Сергеевичем Хрущевым: «Хорошо, очень хорошо вы все здесь сделали».

На снимке: Хозяевам нового Дворца вручают ключи.

Фото Ю. Кривоносова.

Н. С. Хрущев выступает на митинге дружбы советской и кубинской молодежи в Кремле.

НАШЕЙ ДРУЖБЕ — КРЕПНУТЬ В ВЕКАХ

Далеко от Москвы до Гаваны,
но одною мечтою горим.
И хоть в разных живем мы странах,
на одном языке говорим!

Этими словами советские юноши и девушки из московских училищ профессионально-технического образования приветствовали на митинге в Кремлевском Дворце съездов молодых кубинских крестьян, закончивших учебу в Советском Союзе.

Да, мы говорим на одном языке — на языке дружбы. Народы Советского Союза с огромной симпатией следили за героической борьбой смельчаков Фиделя, восхищались их победой. Наша страна бескорыстно помогает революционной Кубе, идущей по пути строительства новой жизни. В радостях и трудностях мы всегда вместе.

Молодые кубинцы, получившие на советской земле профессию механизаторов сельского хозяйства, возвращаются домой хорошими специалистами, готовыми отдать все свои силы и знания народу.

Больших вам успехов, дорогие друзья!

Навеки вместе! Фото Е. Умнова.

ГОСТЬ ИЗ СЕНЕГАЛА

По приглашению Советского правительства нашу страну посетил Председатель Совета Министров и министр национальной обороны Республики Сенегал Мамаду Диа. Советские люди тепло встретили гостя из далекого африканского

В ИНТЕРЕСАХ НА

«Партия и правительство еще и еще раз обращают внимание советских людей на то, что подъем сельского хозяйства — кровное дело всей партии, всего народа».

Из Обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР ко всему советскому народу.

Союз Молота и Серпа

...Завком заседал часто. На плечи путиловских рабочих, ставших впервые хозяевами завода, пали непривычно тяжелые заботы: приходилось решать сложные хозяйственные, технические и финансовые проблемы. Во многих мастерских зияли дырявые крыши, бездействовали станки, мартеновские и тигельные печи еле дышали: не хватало сырья.

Очередное заседание шло к концу, когда председательствующий поднялся со стула и предупредил: повестка не исчерпана. Предстояло обсудить еще письмо крестьянина деревни Моруево, Даниловской волости, Федора Пшеничникова. И тут же председатель стал читать:

«Товарищи! Крестьянину трудно жить без лошади. Что токарю без станка или что заводу без двигателя, то и крестьянину без лошади. Сейчас самая пора работать, а я хожу и смотрю. Товарищи, сознаюсь, купить совершенно не на что, одна надежда на вас. Объявите об этом на собрании. Я надеюсь, что рабочие не откажут в моей просьбе и протянут мне свою крепкую руку. Прошу вас со слезами на глазах, не откажите. Для вас по одной копейке ничего не стоит, а для меня лошадь».

В комнате стояла тишина. В раздумье сидели завкомовцы. Нелегкой оказалась весна двадцать пятого года для крестьянина Федора Владимировича Пшеничникова. Да и не только для него. Пачками приходили письма на Путиловский от крестьян. Одни просили борону, другие плуг, молотилку...

— Какое мнение будет? Объявим на собрании, как просит Федор Пшеничников?

— Объявим,— решили члены завкома.— И ответим так: копеек собирать на лошаденку не будем, а лучше пошлем в деревню стального коня.

Письма крестьян подхлестнули путиловцев, старавшихся как можно скорее оказать ощутимую помощь землепашцам. В начале первой пятилетки, когда налаживалось массовое производство тракторов, в цехах не хватало нужного оборудования, опытных кадров. Нытики предсказывали неминуемый провал программы выпуска десяти тысяч тракторов. Но к станкам становились коммунисты.

Дни и ночи не покидали цехов пионеры отечественного тракторостроения, которые своим трудом укрепляли союз Молота и Серпа.

Мы встретились сегодня с одним из тех, кто собирал тогда «Фордзоны»-Путиловцы, — Михаилом Яковлевичем Давыдовым.

— Полистайте, если есть время,— сказал Давыдов, протягивая мне газету «Красный Путиловец».

На первой полосе размашистым почерком написано:

«Дорогой Миша! Я хранил эту газетку более 30 лет. А теперь прошу тебя передать это на хранение своим сыновьям и внукам. Уверен, что они продолжат твое дело, которому мы посвятили всю жизнь. Бывший отсекр партячейки тракторосборочного цеха завода «Красный Путиловец» Каримов. 20.III—62 года».

— Положим, внуков у меня еще нет,— сказал Давыдов,— это Каримов авансом, а два сына со мной на Кировском работают, а третий скоро из армии вернется, так что дело, о котором беспокоится Усман Каримов, в надежных руках.

Все четыре полосы газеты посвящены одному и тому же событию: тракторная пятилетка выполнена!

Эшелон за эшелоном, груженные тракторами, уходили с завода. Путиловцы слали их в села Сибири, Украины, в станицы Дона, Кубани и, конечно, в Даниловскую волость, где жил в ожидании счастья безлошадный крестьянин Федор Пшеничников. И часто вслед за тракторами отправлялись в деревню коммунисты-краснопутиловцы. Они составляли ядро двадцатипятитысячников. Кто не знал двадцатипятитысячника путиловца Семена Давыдова из «Поднятой целины»! Весной минувшего года кировцы сердечно принимали в своих цехах донских казаков-колхозников. Выступая на собрании, Михаил Александрович Шолохов говорил:

— Мне часто задают вопрос: почему Давыдов — кировец, а не киевлянин, минчанин или харьковчанин? Отвечаю. Тридцать один год тому назад, когда я начал писать «Поднятую целину», это был мой низкий поклон питерскому пролетариату, рабочему классу. А то, что Давыдов был матросом,— это мой второй поклон, морякам Балтики...

Ровесники Давыдова и поныне на переднем крае. Крепнет тот нерушимый союз рабочих и крестьян, за который сложили свои головы Давыдовы.

В эти дни голос кировцев так же тверд, как и на заре социализма. Они свято хранят союз Молота и Серпа. Сердцем приняли кировцы Обращение партии и правительства к народу. Приняли и правильно поняли.

В цехе возвышается огромный макет нового исполинского трактора «К-700». А недалеко от него на стендах собираются первые опытные образцы.

Наведывался недавно на сборку ветеран тракторостроения Михаил Яковлевич Давыдов.

— Может, надо подсобить? Так скажите. Сейчас время такое — без дела сидеть невозможно...

К. ЧЕРЕВКОВ

Окупится сторицею

В. Г. ЯХНО,

председатель колхоза имени Мичурина, Киевской области

Большие перемены произошли в колхозах за последние годы. Хорошие перемены. Появились новые машины, улучшилась обработка полей. Мы добиваемся высоких урожаев зерна, овощей, картофеля при значительно меньших затратах ручного труда, чем раньше.

Но мяса и молока пока мало. Где же причины?

Попробуем разобраться на примере нашего колхоза. Мы поставляем мясо, молоко столице Украины — Киеву. Спрос на животноводческую продукцию высокий. И чем дальше, тем больше он растет. В прошлом году государству продано 1 225 тысяч литров молока. В кассу колхоза за него поступило 119 тысяч 552 рубля. Казалось бы, сумма приличная. Но если заглянуть в корень, то окажется, что молочные фермы вместо дохода дали 14 тысяч 395 рублей убытка. Молоко мы продали дешевле, чем оно стоило нам.

Не стимулировалось и производство мяса. Получалось даже так, что чем больше мы производили мяса, тем больше терпели убытки. В 1961 году, например, колхоз продал государству 805 центнеров говядины по 74 рубля за центнер, а нам она обошлась по 126 рублей.

Убытки получались немалые. Покрывать их приходилось из других отраслей хозяйства. Нетрудно понять, что это в конце концов могло привести к общему упадку колхоза.

Животноводству нужны большие средства, чтобы как можно скорее вытеснить ручной труд машинным. Ведь у нас полностью механизирована только дойка коров. А вся работа по кормлению, по убор-

государства. Мамаду Диа был принят Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым, имел беседы и встречи с советскими руководителями.

На снимке: Мамаду Диа на приеме у Н. С. Хрущева.

Фото Е. Умнова.

РОДА

ке помещений производится вручную. Какая же тут может быть производительность труда?

Повышение закупочных цен на продукты животноводства позволит колхозам накопить новые средства, механизировать фермы, а значит, повысить производительность труда животноводов.

Помощь, сегодня оказанная колхозам, в скором времени окупится сторицей.

Выиграем все!

Константин ПЕРУНОВ,
слесарь-электрик Минского автозавода

Достаток давно и прочно вошел в мой дом, как и в дома моих товарищей. Посетите наш автозаводской поселок — и вы увидите прекрасные жилые кварталы многоэтажных домов. В одном из них недавно получил квартиру и я. Десять тысяч квадратных метров жилья будет введено в эксплуатацию до конца года только в нашем поселке. А до конца семилетки — сто тысяч квадратных метров. Это же миллионы рублей!

Я вспомнил обо всем этом, потому что в эти дни у нас в цехах много разговоров об Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Партия откровенно говорит с нами, и мы чистосердечно отвечаем: нам все понятно—мера эта необходимая и правильная! Не сокращать же расходы государства на промышленность, на оборону, на жилищное строительство! Слов нет,— будет трудновато, новые цены скажутся на бюджете семьи, но ведь мы, советские люди, так уж воспитаны, что смотрим дальше сегодняшнего дня. Нам ясно: в конечном счете выиграет весь народ.

КОНВЕЙЕР ИДЕТ НА ФЕРМЫ

В. С. КРАСНОВ,
член-корреспондент ВАСХНИЛ, заместитель директора Всесоюзного института электрификации сельского хозяйства

«Круг смелости», «Карусели, карусели...»

Под такими заголовками «Огонек» уже помещал материалы о конвейерной доильной установке. Редакция получила много писем в ответ на эти выступления, одно из которых было опубликовано в № 22 журнала.

Новая доильная установка вызвала много споров. Корреспондент «Огонька» попросил В. С. Краснова подробнее рассказать о будущем наших животноводческих ферм и о применении «карусели».

Прежде всего следовало бы напомнить вкратце, что такое «карусель», хотя, скажу по секрету, конструктор ее, инженер Иван Иванович Тесленко, не любит этого названия, и предпочитает называть ее конвейерной доильной установкой. Ваши же братья журналисты назвали ее «каруселью» и «кругом смелости».

Но дело не в названии. Дело в том, что эта конвейерная установка превосходит все существующие виды доильных агрегатов по производительности и удобству работы на ней.

В чем преимущество «карусели»? Если на «елочке» один человек выдаивает тридцать—пятьдесят коров за час, то на «карусели» три человека смогут подоить за это же время до трехсот коров! Главное же в том, что конвейерная установка позволяет автоматизировать все процессы, вплоть до надевания стаканчиков. Когда будет осуществлена такая полная автоматизация, тогда те же триста коров сможет выдаивать один человек!

«Карусель», собственно говоря,— это такая же «елочка», только смонтированная на вращающемся круге. Корова поднимается на него по трапу и занимает ячейку, которая в это время находится против входа. Здесь ее ожидают лакомые концентраты. Корова это отлично знает и поэтому охотно поднимается в ячейку. Круг неторопливо вращается, к трапу подходит новая ячейка, ее так же охотно занимает другая корова...

Установку обслуживают три доярки-оператора. Они находятся на внутренней стороне круга. Как только корова подъезжает к первой из них, та при помощи душа-пистолета подмывает вымя нагретой водой. В недалеком будущем эта операция также будет автоматизирована. Сильная струя одновременно и массирует вымя. Вторая доярка надевает на соски стаканчики доильного аппарата. Корова выдаивается на ходу. В конце пути ее ждет третья доярка, она снимает стаканчики. Корова сходит с круга, а ее место занимает следующая.

Один оборот круг делает за шесть минут. Этого времени вполне достаточно, чтобы полностью выдоить корову. Их на конвейере одновременно умещается шестнадцать или тридцать — это в зависимости от типа агрегата. Молоко от каждой коровы замеряется отдельно и автоматически сливается в молокосборник, там оно охлаждается. Вот, грубо говоря, и все устройство «карусели».

Противники «карусели» считали, что эта установка слишком дорога, и на ее производство потребуется много металла. На первый взгляд кажется, что это действительно так. Но только на первый! Все дело в том, как считать. Действительно, конвейерная установка стоит дороже «елочки» и металла на нее идет больше. Но ведь на «карусели» можно выдоить за час в шесть раз больше коров! И тогда получается, что конвейерная установка с точки зрения производственных расходов не только не дороже, но и дешевле «елочки».

Не секрет, что работа на животноводческой ферме все еще тяжела, труд доярок почти не нормирован. Как помочь людям, как получить больше дешевого молока?

«При нынешнем уровне механизации животноводства и производительности труда в колхозах и совхозах,— говорится в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР,— затраты на производство мяса и молока очень велики, они значительно превышают те цены, по которым государство закупает эти продукты». Как же уменьшить эти затраты? Единственный выход — создание крупных молочных ферм, полностью механизированных. Но на это нужны деньги. Теперь в результате повышения закупочных цен труженики сельского хозяйства смогут сделать большой шаг вперед в механизации животноводческих ферм.

Какой же должна быть молочная ферма будущего? Ответ на этот вопрос пытаются сейчас дать многие организации, в том числе Всесоюзный институт электрификации сельского хозяйства, где мы с вами находимся. Существовавшая у нас долгое время система привязного содержания коров требовала немало лишних затрат труда. Жизнь опрокинула эту систему. Сейчас многие хозяйства перешли на беспривязное содержание скота. Но, как всегда бывает в большом деле, не все правильно поняли слово «беспривязное». Некоторые истолковали его как «безнадзорное». Наше, мол, дело свалить коровам корм, а они пусть сами делят его!.. Ясно, что такое «новаторство» привело к разбазариванию кормов, к снижению надоев. Почему? В каждом стаде есть своя «паршивая овца», в данном случае корова-эгоистка, корова-озорница, да еще не одна. Такие не дают покоя другим, отгоняют от кормушек более тихих животных, и те остаются голодными. А природа такова, что самые тихие коровы нередко бывают и самыми высокоудойными, как раз им требуется больше кормов.

И снова жизнь подсказала: при беспривязном содержании необходимо нормированное групповое кормление. Поэтому на новых фермах коровы будут разделены на три основных группы. В первую войдут самые высокопродуктивные животные, поставленные на раздой после отела, а также первотелки. Эта группа должна получать кормов больше других. Вторая группа — малопродуктивные. В третьей группе — так называемые сухостойные.

На ферме будущего предусмотрены помещения для каждой из этих трех групп, у них будут и отдельные выгульные дворы. Никаких «столовых»: коровники оборудуются общими кормовыми желобами и групповыми поилками с подогревом воды и автоматическим регулятором уровня.

На новых фермах все станут делать машины. Механический погрузчик, смонтированный на тракторе, наполнит силосом раздаточную тележку. Она, двигаясь вдоль желобов, разложит силос при помощи шнека в кормушки. Навоз из коровника будут убирать один-два раза в году с помощью бульдозера, а с выгульных площадок — раз в неделю. Представляете, насколько это облегчит труд человека?

В центре фермы — доильный зал с конвейерной установкой. К нему от коровников и выгульных дворов ведут переходы.

На молочной ферме, рассчитанной на 1 000 дойных коров, будут заняты только 14 человек, включая бригадира. Причем они будут работать не более семи часов в день. Раньше для такой большой фермы потребовалось бы ни много, ни мало двести человек.

Проект такой фермы разрабатывают совместно несколько организаций, в том числе и наш институт. В проектировании участвует и автор первой «карусели» И. И. Тесленко. Осенью две таких фермы построят в Московской области. Здесь восторжествует последнее слово техники, но без всяких излишеств. Основная задача — это дешевизна строительства и эксплуатации. Фермы недалекого будущего дадут самое дешевое мясо и молоко!

Читайте на стр. 26 очерк Николая Быкова «Трудное поле»

ИНТЕРВЬЮ С УЗНИКОМ

Г. ФЕДЯШИН

Вот уже два года я являюсь свидетелем конголезских событий, тревожных, значимых, полных неожиданных поворотов. Время как-то ко многому заставляет привыкать. То, что могло быть настоящей сенсацией год или два, а то и полгода назад, ныне воспринимается как обычная конголезская новость. И все же решение местных властей направить на остров Боламбемба группу из четырех представителей печати, чтобы они сами убедились, что Гизенга «здоров и пребывает в удовлетворительных условиях», явилось для многих из нас, журналистов, неожиданным.

На Боламбембу должны были вылететь по одному представителю от «коммунистической», «капиталистической» и «нейтральной» печати, а также кинофоторепортер. Выбор остановился на корреспондентах Франс Пресс, Танюг и ТАСС.

Вылет откладывался не раз. Наконец он был намечен на 19 апреля. В последнюю минуту корреспонденты Франс Пресс и Танюг, соблазненные «сенсационным» бегством Чомбе из Леопольдвиля, уже на аэродроме отказались от полета.

Пришлось лететь вдвоем. Моим спутником оказался кинорепортер одной из лондонских телевизионных компаний господин Заславский.

В качестве сопровождающих с нами летели помощник начальника службы безопасности Матубе и капитан той же службы Епе. По дороге к нам присоединились начальник гарнизона береговой охраны района Бананы капитан Бонифас Оуэльо и гражданский администратор Бананы Медар Пьока.

Не без волнения ехал я на катере «Пилот» к острову, с нетерпением ожидая встречи с человеком, имя которого не сходит со страниц печати.

В 1484 году португальский мореплаватель по имени Диего Као вошел в устье реки Конго на трех кораблях, минуя островок, вытянувшийся с севера на юг небольшой, заросшей густой тропической растительностью полосой, выходящей в залив Заир.

Этому острову и поныне было бы суждено оставаться в безвестности, если бы не событие, которое заставило заговорить о Боламбембе печать всего мира.

На исходе тропической темной ночи 3 февраля тайком от населения конголезской столицы, от членов парламента и большинства членов правительства, в том числе и министра внутренних дел, из Леопольдвиля на остров Боламбемба был доставлен славный сын конголезского народа, верный последователь Патриса Лумумбы — Антуан Гизенга.

Использовав попустительство руководителей ООН в Конго, по существу, передавших Гизенгу прямо в руки тех, кто вместе с марионеткой Чомбе несет ответственность за убийство Патриса Лумумбы, эти люди, руководители охранки, в нарушение парламентской неприкосновенности, элементарных юридических норм, без суда и следствия заключили Гизенгу сначала в военный лагерь «Бинза» в Леопольдвиле, а затем перевезли на Боламбембу.

Там Антуан Гизенга, нуждающийся в постоянном наблюдении врачей (весь мир облетело сообщение: анализ крови показал, что в его организме обнаружен яд), находится в условиях строжайшей изоляции.

С первых же дней его заключения на острове по городу и в провинции поползли слухи о его смерти.

Простые конголезцы, невзирая на начавшиеся по приказу охранки массовые аресты в африканской части столицы, несмотря на запрещения собраний и митингов, сразу же после ареста Гизенги пришли к посольствам Соединенных Штатов, Бельгии, Франции, к резиденции Организации Объединенных Наций, чтобы заявить о своем глубоком возмущении грубым вмешательством этих стран во внутренние дела Конго, чтобы подать свой голос в защиту пламенного патриота.

Конголезские власти и руководители ООН хранили упорное молчание о самочувствии Гизенги, а нередко, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, сообщали данные, явно противоречившие тому, что просачивалось сквозь плотный кордон.

Снова поползли тревожные слухи. Эти слухи о смерти Гизенги совсем по-иному зазвучали в апрельских, непонятно на чем основанных сообщениях радио ряда западных стран.

Эти новые, идущие с Запада сообщения не на шутку встревожили центральные власти: среди населения росло беспокойство, в городе царила тревожная напряженность, которая не ослабла и сегодня.

Вот тогда-то журналистам и предложили посетить Гизенгу.

Как-то с трудом верилось, что мне наконец удастся встретиться с Гизенгой, с этим замечательным человеком.

Вспомнились прошлые встречи. Конец июня 1960 года. Рассказ о планах, намечавшихся руководителями государства, которое только должно было быть провозглашено.

Начало и лето 1961 года. Дом на берегу Конго в Стэнливиле. Гизенга — зрелый боец, взявший в свои руки знамя борьбы конголезского народа после убийства Патриса Лумумбы. Этот человек — олицетворение спокойствия и выдержки даже в самые трудные дни для собравшихся в Стэнливиле национально-патриотических сил страны. Человек, всегда находивший выход из самого критического положения, в котором оказалась Восточная провинция, оплот единства и независимости Конго.

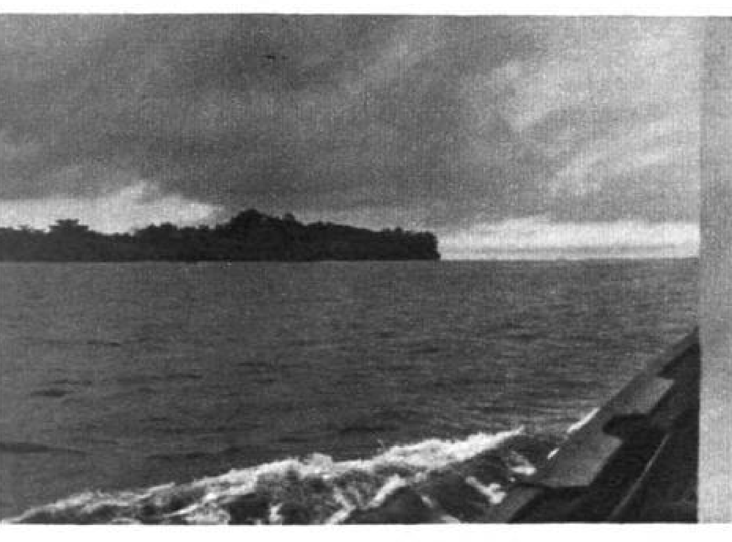
И вот сейчас я снова его увижу. Еще через несколько минут наш «Пилот» подвалил к причалу. Два солдата споровисто подтянули его к кнехтам. Один из них, получив какое-то приказание от Оуэльо, вскочил на велосипед и помчался по узкой тропе в глубь острова.

Мы двинулись вслед. Шагая по шпалам узкоколейки для вагонеток, мы с интересом поглядывали вокруг. По обе стороны простирались болота, или, как их здесь издавна называют английским словом «мангровы», непроходимые заросли тропических деревьев — палетювье, окруженных водой и трясиной. Еще дальше стремительно несла свои воды Конго.

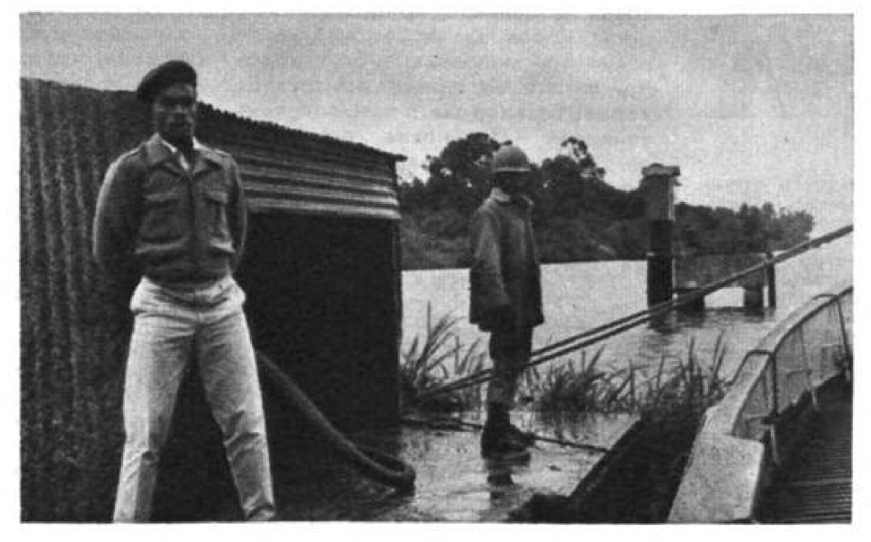
Вскоре тропа вылилась в узкую улочку, по обе стороны которой стояли десятка два домов-казарм. Около них сновали ребятишки, хозяйки у порогов домов стирали, готовили пищу. По установившейся традиции конголезские солдаты живут вместе с семьями там, где они несут службу. Побросав свои дела, женщины и дети с любопытством смотрели на неожиданных посетителей.

Высокий железобетонный каземат (на уступах которого резвилось десятка два коз) и заржавленное орудие были, пожалуй, единственными признаками, напоминающими, что мы находимся в «военной», «стратегической» зоне, как заявили «опекуны» Матубе и Оуэльо. Они тщательно следили, чтобы мы не засняли болота и мирные житейские сцены на острове. Минуя гигантский баобаб, мы вышли на широкую поляну, на краю которой стоял довольно обширный дом с наблюдательной вышкой на крыше.

Перед домом и на ступеньках у входа находились несколько солдат и офицеров. Нас провели внутрь, в переднюю. Окна застекленной террасы, протянувшейся вокруг жилых комнат, были сплошь опутаны изнутри колючей проволокой. У дверей стояла солдатская койка с москитной сеткой — для часового.



Вдали показался остров Боламбемба.

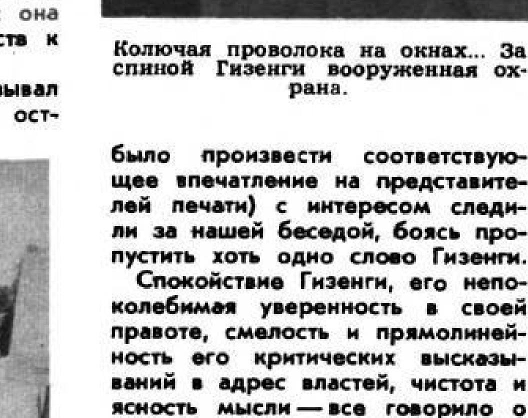


У причала нас встретили солдаты.

На пороге дома, гд…

БОЛАМБЕМБЫ

Фото автора.



Колючая проволока на окнах... За спиной Гизенги вооруженная охрана.

Примерно после пятиминутного ожидания нас ввели в небольшую, метров двенадцать—пятнадцать, комнату в центральной части дома. Две таких же, что и в передней, койки: одна — часового, другая— Гизенги; маленький столик, три стула.

Антуан Гизенга сидел прямо на кровати перед столиком, на котором лежали две книги и несколько листов бумаги. Позднее мне удалось прочитать название одной из книг. Это была «История мира» Жана Дюше.

Мне, много раз видевшему Гизенгу, сразу же бросилось в глаза, как сильно он изменился с того дня, когда я видел его в последний раз на аэродроме Нджили 20 января.

Подтянутый, в темном, строгом костюме, сверкающей белизной сорочке, с галстуком, гладко выбритый — таким сохранился Гизенга в моей памяти.

На этот раз курчавая бородка, закрывавшая подбородок; простая, с расстегнутым воротом рубашка, комнатные туфли — разрешенный охраной узнику минимум туалета. Поражала болезненная бледность, пробивавшаяся несмотря на темный цвет кожи. Обращала на себя внимание худоба.

Первые слова с объяснением цели нашего визита, обращенные к Гизенге одним из ответственных чиновников службы безопасности, не могли сразу рассеять чувства настороженности, с которым нас встретил Гизенга. Да он с присущей ему прямотой и не пытался скрыть этого.

— Не скрою,— тут же сказал он,— что этот визит меня озадачивает, так как я уже свыкся с положением узника, а отношение ко мне со стороны властей и охраны отучило меня даже от мысли, что еще возможно посещение меня кем-то.

Далее он с горечью высказал свое возмущение отношением властей к его просьбам о постоянном медицинском наблюдении.

— Я удивлен,— сказал он,— что, несмотря на обещание официальных властей, ко мне больше месяца не допускают врачей, а моего личного врача, как я узнал, арестовали. Причины ареста мне не известны. Мои просьбы прислать ко мне доктора остаются без ответа.

Отвечая на попытку чиновника охранки объяснить отсутствие врачей занятостью одного, отъездом другого, болезнью третьего, Гизенга заявил:

— Вы специально создали такие условия, чтобы они не могли приехать.

Когда я задал Гизенге вопрос о том, предъявлены ли ему обвинения и каков их характер, он прямо и твердо заявил:

— Никаких обвинений мне до сих пор не предъявлено. Моя парламентская неприкосновенность грубо нарушена. Меня в чем-то обвиняют, и я хотел бы ответить на эти обвинения перед органом, в который меня избрал мой народ. Я хочу одного: предстать перед парламентом и держать перед ним ответ, чтобы конголезское и международное общественное мнение само судило о том, виновен я или нет. Меня увезли на военно-стратегическую базу Боламбемба. Я считаю это незаконным и протестую против этого. Я требую, чтобы мне предъявили обвинения и разобрали их.

Глубокое возмущение звучало в ответе Гизенги на вопрос о том, разрешено ли ему поддерживать контакт с внешним миром. По существу, его держат в условиях строжайшей изоляции, если не считать единственного средства общения с внешним миром и источника кратких новостей — небольшого транзисторного приемника, к тому же плохо работающего.

— Судите сами: я послал несколько писем в ООН и другие организации, но все мои письма остаются без ответа. Из этого я делаю заключение, что до адресатов они не доходят.

Я не думаю,— говорит он, обращаясь к сидящему рядом и записывающему все вопросы и ответы Матубе,— что подобный метод, используемый службой безопасности, законный и правильный.

Надо было видеть, как ерзал на своем жестком стуле наш главный охранник Матубе, когда Гизенга говорил об отношении к нему властей, охраны.

— Как иначе, кроме обмана,— говорил Гизенга, и его голос звучал на этот раз возмущенно,— можно назвать отношение властей к моей просьбе о свидании с матерью и женой!

Он говорит о том, что власти вызвали его жену из Югославии, пообещав, что ей будет дана возможность постоянно находиться при нем и ухаживать за ним. Когда же она приехала, ей отказали в ранее обещанном. Сейчас она и мать оказались без средств к существованию.

То, что Гизенга рассказывал нам о своем пребывании на острове, о том, как с ним поступили власти, об отношении к нему со стороны представителей этих властей, решительно опровергло распространявшиеся некоторыми официальными лицами слухи, будто он «сам попросил отдыха в Моанде», на берегу океана.

— Трудно назвать Боламбембу курортом,— говорит он,— как это пытались делать некоторые, вводя в заблуждение общественность страны и парламент. Ведь об этом во всеуслышание заявляли в парламенте. Посмотрите на эти кишащие комарами болота! Хорош курорт!

Не знаю, куда вы отправите меня завтра, может быть, к португальцам,—продолжал Гизенга.

Окружавшие нас младшие офицеры и несколько солдат (заключительная часть беседы была, с великодушного разрешения нашего соглядатая, перенесена в переднюю и проходила за стаканами лимонада и пива, что, по мнению властей, видимо, должно было произвести соответствующее впечатление на представителей печати) с интересом следили за нашей беседой, боясь пропустить хоть одно слово Гизенги.

Спокойствие Гизенги, его непоколебимая уверенность в своей правоте, смелость и прямолинейность его критических высказываний в адрес властей, чистота и ясность мысли — все говорило о его стойкости, верности и последовательности. С нами говорил борец, верный и преданный сын своей страны, до конца отстаивающий тот путь, который был указан народам Конго их первым вождем Патрисом Лумумбой,— путь к единству и подлинной свободе. Было видно, что трудности, тюрьма не сломили его боевого духа.

Слово «Боламбемба» в переводе с киконго, языка, на котором говорят конголезцы, живущие в нижнем течении реки, означает «убей орла». Орла можно убить. Можно убить и человека, даже такого, который дорог, который очень нужен свободолюбивому народу Конго. Вспомним гибель Патриса Лумумбы.

Но смерть Патриса за интересы своей родины свидетельствует и о другом: невозможно убить, задушить огромную волю, страстное стремление конголезцев к свободе и независимости.

Тепло прощаясь с нами, Гизенга сказал:

— Передайте всем, что теперешнее обращение со мной я рассматриваю как произвол, как нарушение элементарных демократических прав и парламентского иммунитета. Я требую немедленно предоставить мне возможность предстать перед парламентом, отвечать перед ним и перед народом Конго.

Расскажите правду о моем положении!

Леопольдвиль.

...держится Гизенга, тоже солдаты.

Группа конголезцев перед резиденцией ООН требует освобождения Гизенги.

Василий КУЛЕМИН

Отец

ПОЭМА

Рисунки Ильи ГЛАЗУНОВА.

I

Я твоими теплыми руками
Остудить лицо и грудь хочу.
Полечу на север с облаками,
С птицами на юг не полечу.

За каким-то дальним перекатом
Детства пристань, милое село:
Не беднó, а, впрочем, не богато,
Снегом ли, звездáми замело...

Жизнь сродни березовому соку.
Вот он заструится, как слеза.
Мы грозу приемлем, если к сроку,
А не в срок — зачем она, гроза?

Я во власть
Грозы весенней отдан,
И постигнул истину давно:
Сердце может стать громоотводом,
Если даже робкое оно.

И беднеют всякие сравненья,
В мысли не проявлены пока.
Молнии, под стать рогам оленьим,
Поддевают тучу под бока.

Нас судьба из тучи той кропила.
И бывало так: до Покровá
Знали мы, что жгучая крапива
Тоже не последняя трава.

А какими вечными казались,
С темнотцою выходя в поля:
Если б мы ногами не касались,
То остыла б матушка-земля.

II

Детство началось. На все причина,
Всякому началу свой венец.
Мне с базара ножик перочинный
В первый раз привез тогда отец.

Сам давно отец, а это помню,
Как обнял папаню впопыхах
И умчался в зáтишек укромный,
Где-то на задворках, в лопухах.
Ножик — словно рыбка золотая,
Лезвия — что плавники дрожат.
Да, таким богатством обладая,
Я затмил бы слободских ребят.

«Мол, найдись такой да против выйди...
Сяду я, как всадник, на коня!..»
Но явился Шурка Степанидин
И отнял подарок у меня.

Словно свет кто прикрутил украдкой.
Но в обиде я смолчал тогда.
Я стащил штаны его в заплатках
На лужайке, около пруда.

После, помню, весь в мурашках, синий,
Он в воде, наверно, час сидел,
А меня дружки его просили:
— Отдавай штаны, покуда цел...

Говорили: — Побожиться можешь,
Что ни в чем,
Ни в чем твоей вины?
Я одно твердил: — Отдаст пусть ножик,
Вот тогда получит и штаны.

Где сейчас ты, давних дней соперник?
Глуп еще я был и вовсе мал.
Повстречаться бы с тобой теперь мне —
Как бы я тебя расцеловал!

Сколько гроз потом прошло над нами!
Жизнь поразметала нас с тобой.
Обменялись бы теперь штанами
И ножами. Лишь нельзя — судьбой.

III

А село меж тем притихло словно.
Вроде бы все так, да и не так.
Сядут зорькой мужики на бревна
И смолят до одури табак.

А над крышами печные трубы
Пополняют в небе облака.
Спевки позадорнели у клуба,
Так что их слыхать издалека.

Жизнь телегой двигалась далече,
Только объявился комсомол,
Да потом из города под вечер
К нам уполномоченный пришел.
Ты подумай — слово-то какое!
После было много разных слов.
Не с того ль
Лишились все покоя
И крестьянских
Неспокойных снов?

Милый мой отец,
Скажи на милость —
Разгадать не хватит детских сил,—
Что-то вдруг в тебе переменилось,
Словно бы меня ты разлюбил?..

Вот, бывало, едешь ты с работы,—
Запримечу я тебя вдали...
От твоей рубахи пахнет потом,
Или это запахи земли?

На виске скатался волос русый.
Ты по виду вовсе молодой,—
Я к тебе под мышку проберуся,
Ты меня щекочешь бородой.
Смех, возня до самой поздней ночи.
Печка прямо ходит ходуном.
Мама скажет: — Глянь, ты вправду хочешь
Все перевернуть вверх дном...

А сама радешенька, как видно,
Что он дома, что давно не пил.
На столе под воскресенье ситный,
Самовар ликует во весь пыл.

Светятся глазенки из-за книжек —
Это сестры стерегут покой.
Им бы тоже к нам сейчас поближе.
Да неловко — возраст не такой...

Между тем в народе
Неизменно —
Смелая,
С тревожинкой, всегда —
Зрела той великой перемены,
Души охватившая, страда.

Знали,
Что разбуженной России
Не объехать этот перелом,
Как не может, в зрелости и силе,
Птица взмыть
С поломанным крылом.

Вековые скаредность и косность
Покидали души без прикрас.
Было все: и линия и компас...
Ленинского б сердца
В этот час!

Все ушло...
До петухов собранья
Начались с посулов и угроз.
А к чему? Ведь решено заране,
Что организуется колхоз...

И какой ни есть ты друг-приятель,
Не мирволь себя, решайся враз.
И отец мой — первый председатель.
Вот тебе и весь недолгий сказ.

Вроде был и мужиком не цепким.
А познал и он у жизни брод.
Стал и дом наш наподобье церкви.
Вечно суетился в нем народ.

Сколько тут покорности и пыла,
Верности мужицкой и вражды!..
Мама и полы-то мыть забыла:
Все равно истопчут без нужды.

IV

Мужика прозвали Беднотою...
Скажут: — Где ты был?
— У Бедноты...
Сколько помню, хлебом и водою
Лучшие венчалися мечты.

Если в доме том и был в чем лишек,
Так, пожалуй, только лишь в одном:
Слишком много на печи детишек
Да лохмотьев лишек в доме том.

Дом не стар, а будто самый древний.
И еще скажу для полноты:
Как предмет насмешек на деревне
Всем служила шуба Бедноты.

Скроенная из овчин сырцовых,
На живую нитку, кое-как,
Что ни год, она в заплатах новых
На спине, на полах, на плечах.

Присмотрись — увидишь снова дыры,
И опять овчины нужен клок...
Ну, не шуба, брат, а карта мира,
Глянешь — географии урок.

Насмехались мужики и парни.
Впрочем, он к насмешкам их привык.
Но, пожалуй, самый легендарный
Был у этой шубы воротник.

Высотою более полметра
И при этом не велик, не мал,
Надо всей фигурою победно
Он под ветром дыбором стоял.

Кто б подумал, что без шубы этой
Мог прожить хоть месяц Беднота?
И зимой и летом тем же цветом...
Молвили: не жизнь, а маята!

И поверьте, что при всем старанье
Чувства скрыть никто не мог потом,
Как пришел он в школу на собранье
В полушубке новеньком своем.

Из овчины розовой, дубленой,
С оторочкой по краям полы...
Бабы зашептались удивленно.
Мужики затихли до поры.

После долго языки чесали,
Обсуждая все его черты.
Он, как флаг, у всех перед глазами,
Новый полушубок Бедноты!

И уже по щучьему веленью
Или словно по команде «пли»,
Красным агитатором в селенье
Бедноту негласно нарекли.

Мужики, усевшись возле хаты,
Говорили в тихие часы:
— А силен наш красный агитатор!
И улыбку прятали в усы.

V

Детство живо разными дарами.
Вот соломы аржаной омет.
Как гора, над сорока дворами
Он в свеченье солнечном встает.

Видели и раньше мы ометы,
Да не помышляли о таком:
Каждая соломка с позолотой,
Повилика с ржавым завитком.

А сказать точнее и попроще,
Дело в том, что среди многих лет
Был впервые он в деревне общим,
Никому до нас тут дела нет.
Целый мир в простой соломе этой.
Здесь и ощущенье высоты,
И полет на дальние планеты,
И цвета вселенной,
И цветы.

Повзрослев,
Попробуй разбери там,
Что к омету этому влекло,
По каким несметным лабиринтам
Детство деревенское прошло?

Только помню,
Именно оттуда
Увидал я стынущим деньком:
Самолет необъяснимым чудом
Пролетел над нашим большаком.

Растворился в неземном сиянье.
Так я изумился бы сейчас,
Если бы, к примеру, марсиане
Прилетели посмотреть на нас.

Что я видел в голубом проёме,
Как былое рисовалось мне?
Я бежал за чудом по соломе,
По хрустящей золотой стерне.

Падал, подымался, снова падал,
И бежал, бежал, бежал...
Ни с душой, ни с телом
Нету сладу.
Шар земной на ниточке дрожал.

Словно бы
Вот-вот он оторвется.
У него неведомая цель.
Вскинув шею, замер у колодца,
Как антенна, старый журавель.

VI

Наш уполномоченный, Петрович,
Крут бывал в характере своем.
Чуть не по нему — насупит брови
И сидит, как туча, за столом.

Хоть стоял у Марфы на квартире
И на вид со всеми близок он,
Все ж казалось, из другого мира
К нам на время
Ветром занесен.

В каждом слове сметка,
В каждом жесте.
— Вот, к примеру,— скажет,— колесо:
Маленькое — крутится на месте,
А большое — р-раз! И понесло...

Так же коллективное хозяйство...
Тут, бывало, замирали все.
— Ну, а если, скажем, без зазнайства,
Мы-то кто же,
Спицы в колесе?..

Этот голос возникал с галерки...
И Петрович гас и багровел.
Он кричал, что кулаки, как волки,
Кто, мол, нхним голосом запел?

Говорил о гидре капитала.
Голос надвигался, точно вал.
После, поземневший и усталый,
В нашей крайней хате ночевал.

Мигом появлялась поллитровка,
Возвышалась посреди стола.
Он молчал застенчиво, неловко,
Будто все слова спалил дотла.

Вспоминал какого-то Ванюшку,
Говорил, что мается по нем.
Некогда купить ему игрушку:
Как на фронте,
Вечно под огнем.

Засыпая,
Предрассветной ранью
Слышал я, неясные сперва,
«Контрактовка», «твердое заданье»
И другие странные слова.

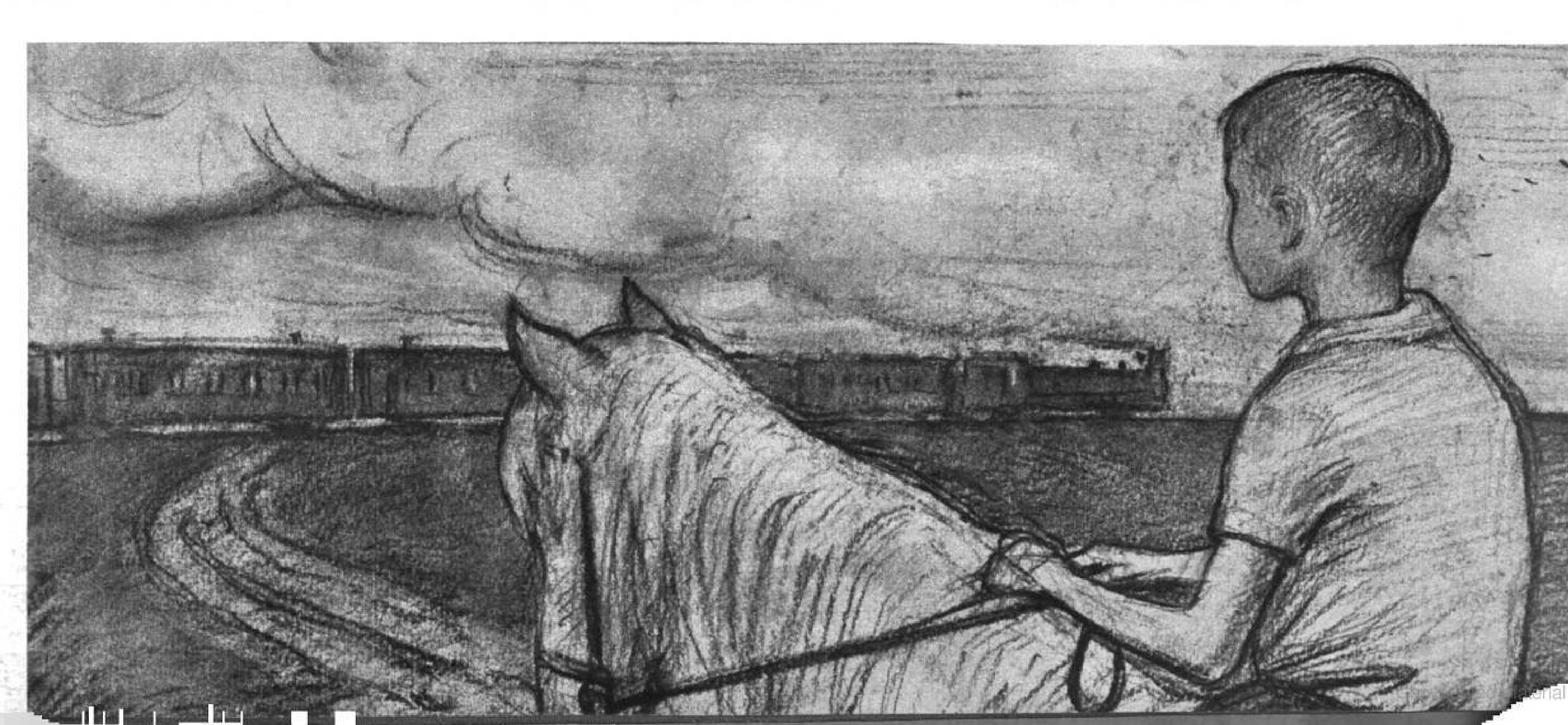
И Петрович вновь казался страшен:
Волею неведомой влеком,
То мягчал душою в горе нашем,
То стучался в душу кулаком.

VII

О моя землица-небылица,
Сказонька волшебная моя!
Унеслась, умчалась кобылица
В дальние зазвездные края.

Мне бы заглянуть в глаза проталин.
Дух парной почувствовать в тиши.
Помнится, как гуси пролетали,
Бередя нетронутость души.

Так пройду — не уроню росинки,
Не собью манящей нови шаг.



У девчонок красные косынки
И такой же над избою флаг.

Новь надолго породнилась с ними —
Самая дорога молодым!
Но все чаще,
Все одно лишь имя
Повторялося
На все лады...

И народ его годами славил.
Он при этом скромничал слегка.
А себя все больше в бронзе ставил,
Видно, думал: бронза — на века.

Стала ты, Россия, выше ростом.
Закалилась в горе и борьбе!
И былое идолопоклонство
Не к лицу, великая, тебе.

От восхода к ночи путь не близкий.
Но и сил в груди запас не мал.
Кто сказал бы, что мужик российский
Веру в свою землю потерял...

Холил, как дитя, ее и нянчил.
Удобрял и всяко ублажал.
Больше на себе —
Куда там кляче! —
Уваженье к ниве
Выражал.

Называл-то как любовно: — Нива!
Нивушка... Кормилица на век!
До клочка оберегал ревниво
Русский землепашный человек.

А теперь все толки-перетолки:
Время поднимать приспело пар,
А хозяин повязал метелки —
И айда до света на базар.

Воротясь навеселе оттуда,
Посудачит на своем крыльце...
Хоть малыш, а видел: дело худо.
Сказывались беды на отце.

Вскочит ночью, сдернет полушубок
С вешалки, что около двери,
И растает в темени без шума,
Словно канет в бездну, до зари.

— Что ты убиваешься, Лавруша?..—
Мамин голос слышится порой.
— Так ведь все хозяйство мы порушим,
Я, бывает, просто сам не свой...

В кассе на сегодня два с полтиной,
А расходу в тыщу... Где их взять?
— Ну и что? Авось, ты не партийный...
Что тебе?
— Да как ты можешь, мать?..

От стола пройдет грозою к двери,
Скажет маме что-нибудь в сердцах.
Видел я: отец в идею верит,
Я всегда на стороне отца.

А в полях у ржи хрустят суставы.
И обоз чуть виден вдалеке
С грузом обязательных поставок,
Самодельным флагом на дуге.

VIII

В гости припожаловала лошадь,
Без уздечки встала у дверей.
По моим мальчишеским ладошам
Пошептать губами любо ей.

Бархатными, теплыми губами —
Так что мне щекотно и смешно.
Старая, с обвислыми боками,
А побаловаться не грешно.

Мне в плечо торкнулась головою
И нагнула шею, присмирев.
Я ее попотчевал травою,
А она намеревалась в хлев.

Глупая: ведь заперты ворота,
Напрочно закрыты, под замком.
Лучше я сейчас до поворота
Прогуляюсь на тебе верхом.

В лошадином взоре думки плыли,
И глаза слезилися слегка.
Лошади когда-то говорили,
А потом лишились языка.

Трудная судьба ее известна.
Для нее, по правде говоря,
Лучше уж остаться бессловесной,
Чем язык такой иметь зазря.

Как на гору, влез я на Камашку,
Еду луговиною лесной.
Снизу вверх
Глядят на нас ромашки,
Подставляя венчик вырезной.

Выехали шагом к буераку.
«Что такое?» Слышен шум и гам.
«Умер кто иль приключилась драка?» —
Озираемся по сторонам.
А народ бежит без останова
К насыпи, где раньше был откос,
Где в своих сверкающих обновах
Красовался первый паровоз.

Вот она, стальной дороги ветка,
Добралась до нашего села.
Разминала плечи пятилетка,
Зачинались звонкие дела.

Мы с Камашкой мчимся
Что есть духа.
Все по-деловому шло, пока
Чутко настороженного слуха
Не достиг тревожный звук гудка.

Вздыбилась она — и прочь стрелою!
Я вцепился в гриву, не дыша.
По буграм, по ямам, целиною...
В пятки перебралася душа.

Не слыла рысачкой знаменитой.
Не была средь баловней-коней...
Только в такт мерцающим копытам
Селезенка екала у ней.

Через много лет,
По всем приметам
Узнавая луг и краснотал,
Я в стихах российского поэта
Про свою Камашку прочитал.

Дело не в былинках краснотала —
Заходилось сердце у меня:
Как она по-глупому скакала,
Увидав железного коня.

IX

Нет, не стерлись памяти страницы.
Я их сквозь такие грозы нес!
Видно, уж теперь-то сохранится
Все до самых до седых волос.

Шла молва, как брага из ушата,
В таинстве незримого лица:
«Как в святом писанье — брат на брата,
Сын пойдет насупротив отца...»

Каждое словцо звучало сочно.
В каждом слове к новой жизни злость...
А отцу и вправду, как нарочно,
Брата раскулачивать пришлось.

Собственно, удрал его брательник —
Сразу к леснику, а там в Москву,
Говорят, чуть не в белье нательном,
Словно бы во сне, не наяву.

Хату-пятистенку дядя бросил,
Веялку и всякий разный хлам.
Лишь осталась бабушка Федосья,
Не схотела переехать к нам.

Так и прижилася при правленье.
(Стало там правление потом.)
Что ни день, то светопреставленье.
Впрочем, я сегодня не о том...

...И заря еще не натянула
Солнечные вожжи. Темнота.
Встал я от разбуженного гула.
В хате нашей гомон, теснота.

«Батюшки! Уж не конец ли свету?» —
Так соображаю на печи...
Кто-то тычет в нос отцу газету.
Матерщины благовест в ночи.

В тех словах и горечь и обида.
Бабы распалилися до слез.
Больше всех шумела Степанида:
— Ты, Лаврентий, распускай колхоз!..

У отца пиджак на плечи съехал:
Как приговоренный. Перед ним
«Головокруженье от успехов» —
Шрифтом самым крупным и прямым.

Словно это и не буквы, маги!
Вот сейчас они рассеют мрак.
А ведь гладко только на бумаге,
На поверку было все не так.
На поверку тяжелее было:
Как его исчислишь, тот урон?
Вроде бы себя и обелил он,
А крестьянин, вышло, разорен.

...Я всего не разобрал спросонок.
Помню чью-то сбивчивую речь.
Мама двигала печной заслонкой,
Хоть и не растапливала печь.

И еще, что я приметил живо,
Что рождало трепет, даже страх,—
Это просто сказочное диво:
Мой отец при всех сидел в очках.

Тонкие, в оправе серебристой,
В чем секрет их, сразу не поймешь...
Но отец как будто отдалился,
Стал с уполномоченными схож.

Помнится, я выбежал к беседке.
Начало светать, и на вербе
Грач сидел на тонкой, тонкой ветке,
Словно тоже думал о судьбе.

Покачнется, крылья вскинет малость,
Чтобы удержаться на сучках.
Мне в минуту эту показалось —
Очень четко! —
Что и грач в очках.

Сквозь очки глядел на небе месяц.
Как оправа, вились облачка.
Даже кот, и тот, с порога свесясь,
Показалось, тоже был в очках.

Сумрак затаился по лощинам —
Что ему людская суета!
И, как встарь, опять в своих овчинах
Прошагал по лугу
Беднота.

С клюшкой,
Так же как шагал когда-то.
Дыбились овчины из сырца.
— Полинял наш красный агитатор...—
Кто-то злобно бросил у крыльца.

X

В поле говорил отец с землею.
На колени встав. На мокрый снег.
Полушубка вытертой полою
Заслонял озимой ржи побег.

Чуть лишь из-под снега показались
Плечики вспорхнувших зеленей.
Жизни засветившаяся завязь
Проступала, что ни день, ясней.

Стылая еще земля лежала.
Ни одной межи с конца в конец.
Уж не пашня — часть земного шара!
И на ней владыка —
Мой отец!

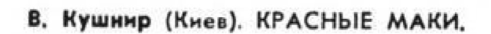
И на ней хозяйка Степанида —
Вечная в деревне беднота.
Да, отец, трудна твоя планида,
И дорожка выдалась крута...

В поле говорил отец с землею.
Речь его тиха и не груба.

В. Попков (Москва). НОВЫЙ ДОМ ГОТОВ.

ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

М. Мечев (Москва).
Из серии «Карелия». БЕРЕЗЫ.



В. Кушнир (Киев). КРАСНЫЕ МАКИ.

А. Бутов. (Йошкар-Ола). КАЗАХСТАНСКАЯ МАГНИТКА.

В горстке с перегноем и золою
Уместилась целая судьба.

Все тут въяве — горечь и награда.
Лишь себе тогда открыться мог,
Что к былому нет ему возврата,
Кто один — не просто одинок!

Это уж, наверное, от века —
Жизни удивительный накал.
В поле
Все того же человека
С трепетом и болью
Поминал.

А слова газетные мерцали...
Да, с народа брал он все, сполна.
И уже тогда между сердцами
Поднялась незримая стена.

Говорил отец. Был откровенен
Разговор их с матушкой-землей.
И на миг почудилось,
Что Ленин —
Рядом,
Удивительно живой.

Всматривается
По-отцовски строго,
Как деревня двинулась вперед.
Словно бы по ленинской дороге,
Только где-то,
Видно, шаг не тот...

Встал отец с земли. Еще не лето,
Холодок весенний пронимал.
Понимал ли сердцем он все это?
Думаю, что сердцем понимал...

Это очень памятно — как шел он!
Я тут окликать его не стал.
Шел он вдаль. Один. Раздумий полон.
Уходил
И словно вырастал.

И едва поток зари разлился
По затихшей, стынущей земле,
Все узнали: ночью застрелился
Наш уполномоченный в селе.

По-иному вдруг заговорили...
Горевали над его судьбой,
Ни за что былое не корили:
Человек не совладал с собой...

XI

Утро молча встретили осинки,
Точно прикусили языки.
По колхозу справили поминки
Те, кому в колхозе не с руки.

Только это было лишь начало.
Что ж на лица налетает тень?
Горе горемычное венчало
Ранний в суете вбежавший день.

Блики заплясали на лежанке
Ровно в полночь. Грянули в набат.
Папа в старой стеганке, в ушанке,
Взяв какой-то ломик наугад,

В ночь шагнул. На нем рубаха вспрела,
Как увидел, на порожке став:
В трех местах в ночи село горело.
А на все село один «рукав».

Рушились отцов и дедов кровы.
Гибли, точно в дьявольской печи.
Замычали во дворах коровы.
Овцы в страхе блеяли в ночи.
И прижались у ворот собаки.
Даже самых шалых не слыхать.
Вся в душе скопившаяся накипь
Словно бы взметнулася опять.

Март стоял. Едва лишь на припеках
Облысели старые бугры.
Мужики откуда-то в потемках
Доставали длинные багры.

Все смелось: былое отчужденье —
Кто ты есть, артельный или нет? —
В этот час иных страстей виденья
И сердец иные тень и свет.

В сонмище огня, в ночи метельной,
Перед ликом стихнувших детей,
Не было желанья беспредельней —
Человеком слыть среди людей.

В споре с ветром пламя непослушно.
Перекинулось на ближний дом.
Занялась колхозная конюшня
И амбары с семенным зерном.

И толпа в какой-то миг застыла.
Кто-то крикнул: — Пусть его горит!..
Не забыть мне, как все это было.
Помню, кто-то сумрачный на вид,
В обгоревшей шапке, брюках старых,
Вдруг поднял огромную ладонь.
— Кто сказал: «Пускай горят амбары?»
Я сторю в них! —
И шагнул в огонь.

Раскололся мрак ночной,
Разверзся...
В пламени — поток живых телец.
С кулачок мальчишеское сердце
Бьет в набат:
«Отец, отец, отец»!

Вскрикнул я и сник в дыму угарном
И уже не видел, как толпа
Покачнулась и пошла к амбарам,
Уж не знаю, зряча иль слепа.

...А когда очнулся я в постели,
Он сидел, склонившись надо мной.
И не знал я: было в самом деле
Или это просто сон дурной?..

А усы почти совсем сгорели.
Их уже и закрутить нельзя.
С грустною улыбкою смотрели
Прежние отцовские глаза.

Эпилог

Как и в детстве, тут светлы откосы,
Только детство далеко — как нет...
И в ответ на многие вопросы
Лишь стихов березовый рассвет.

Не всегда строка души коснется.
Но порою просто валит с ног.
Что у нас поэзией зовется —
Это жизнь застигнута врасплох.

Ведь она подчас проходит мимо.
Отраженным светом бьет в сердца.
Шуткой огрубленною ранима,
В сумерках не вскрыта до конца.

Вот и мне сегодня кто-то скажет:
Что-то парень не туда полез,
Каждый день романтикой окрашен,
Даже звезды достаем с небес.

Мне милы сегодняшние были...
Только сердце строго не суди.
Если совесть ранена навылет,
Тут попробуй молча усиди.

...Сердце спорит с тишиной ночною.
Редких окон неспокоен взгляд.
В этот час и звезды надо мною,
Словно колокольчики, звенят.

Зимний воздух, точно в детстве, хрупок.
Землю он как будто бы связал.
Я с мешком обыденных покупок
Направляюсь прямо на вокзал.

Путь в деревню, до которой ехать
Далеко. Да и не всякий рад.
Где дома под первозданным снегом,
Словно бы воробушки сидят.

Где сейчас, наверно, столько сини!
Стекла окон расписал мороз.
И не с тех ли мест
На всю Россию
Тихий свет
Нисходит от берез?..

Вся, до самой тоненькой прожилки,
Предо мной отцовская рука.
Как частицы звезд, летят снежинки
И уходят годы и века.

Людям мне в глаза глядеть не страшно.
Выбирать дорогу все вольны.
Не хочу, чтобы опять вчерашней
Той болезнью
Были мы больны!

Нет, мы не забыли те лишенья.
И грешно бы не приметить мне,
Как пришло сегодня все в движенье,
Словно соки жизни по весне.

И уже не вера та слепая —
От нее и в помыслах отвык,—
Вновь к землице сердцем прикипает
Плоть ее и кровь ее —
Мужик!

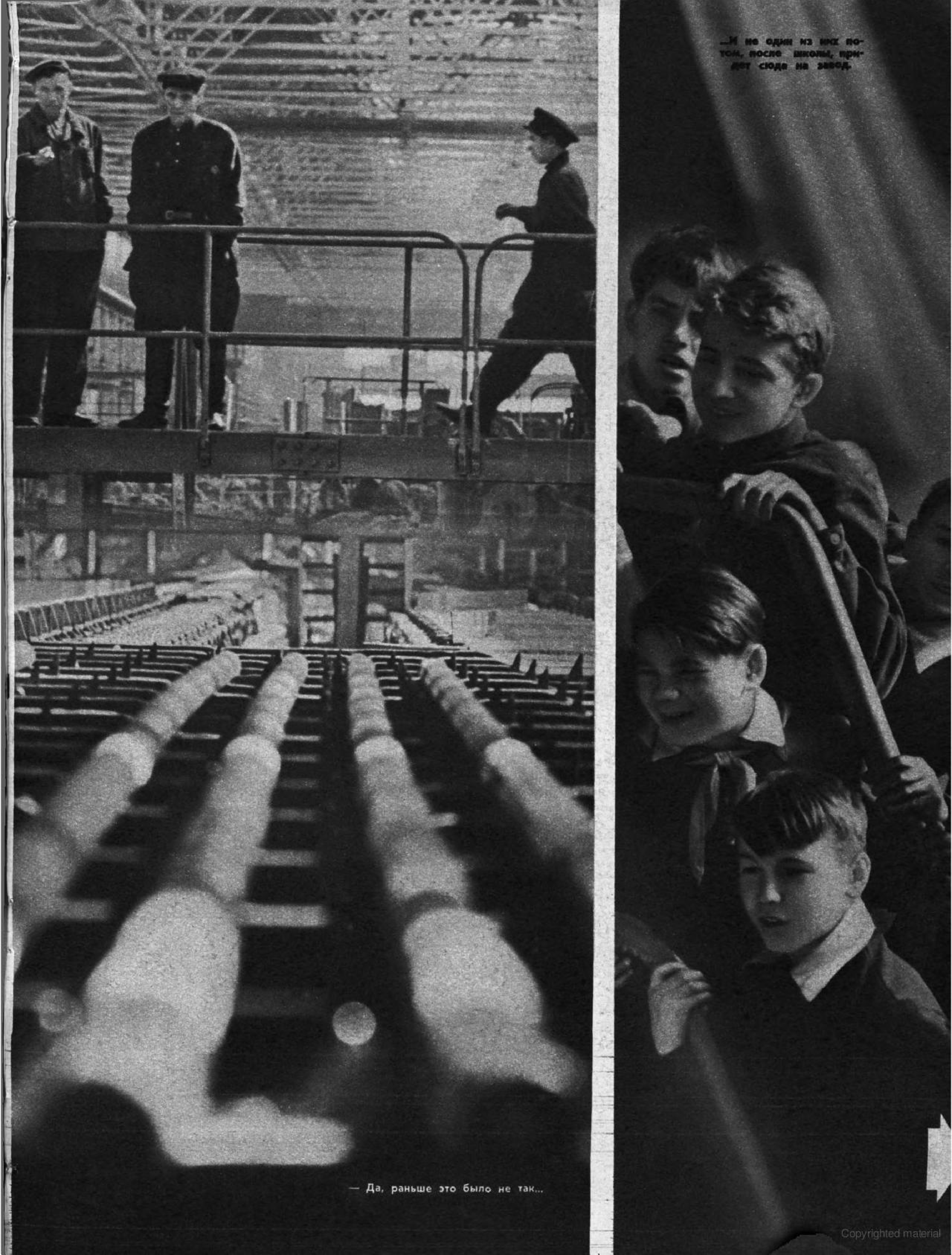
Я смотрю сыновними глазами
На его земную простоту.
Солнце еще спит за облаками,
А трава и листья все в свету.

Перед новью никогда не струшу.
К руслу пробивается ручей.
И пожар тогда ведь был потушен,
Потому что сердце горячей.

И теперь, я думаю, недаром
Ленинскою правдою живем:
Самые опасные пожары
Тушат не водою, а огнем.

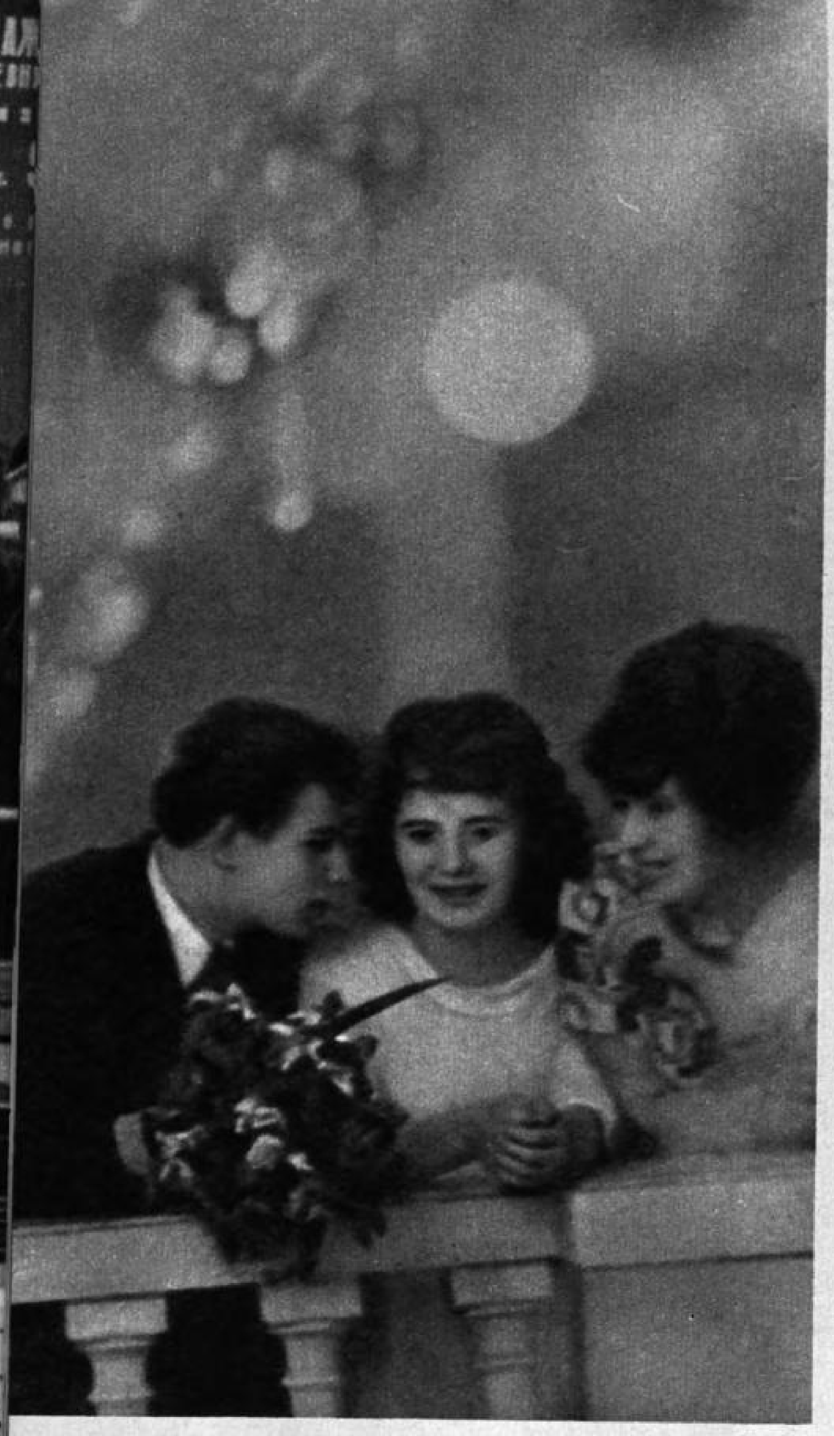
ПОКОЛЕНИЯ ТОВАРИЩЕЙ

— Не спеши... У тебя — люди...

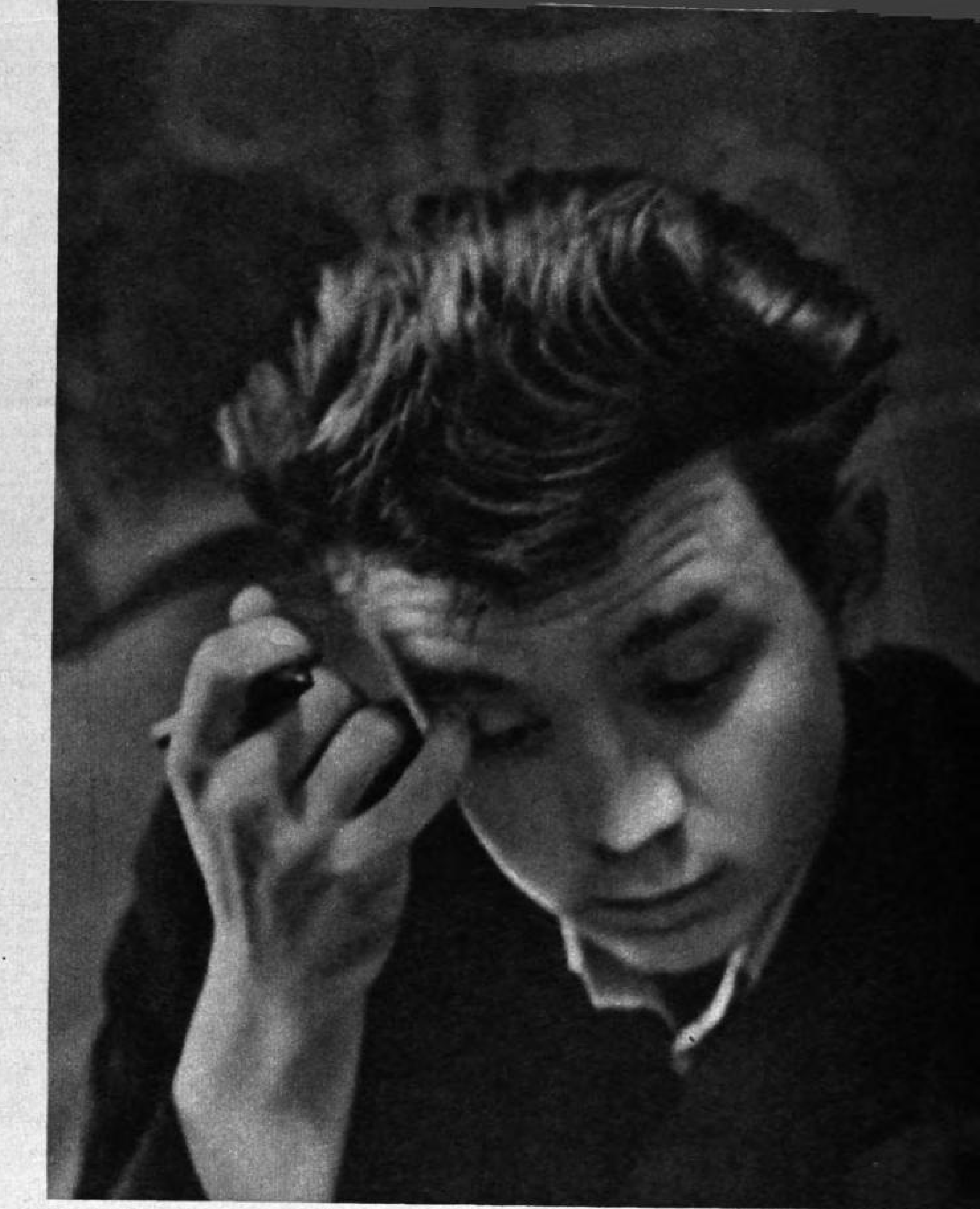


— Да, раньше это было не так...

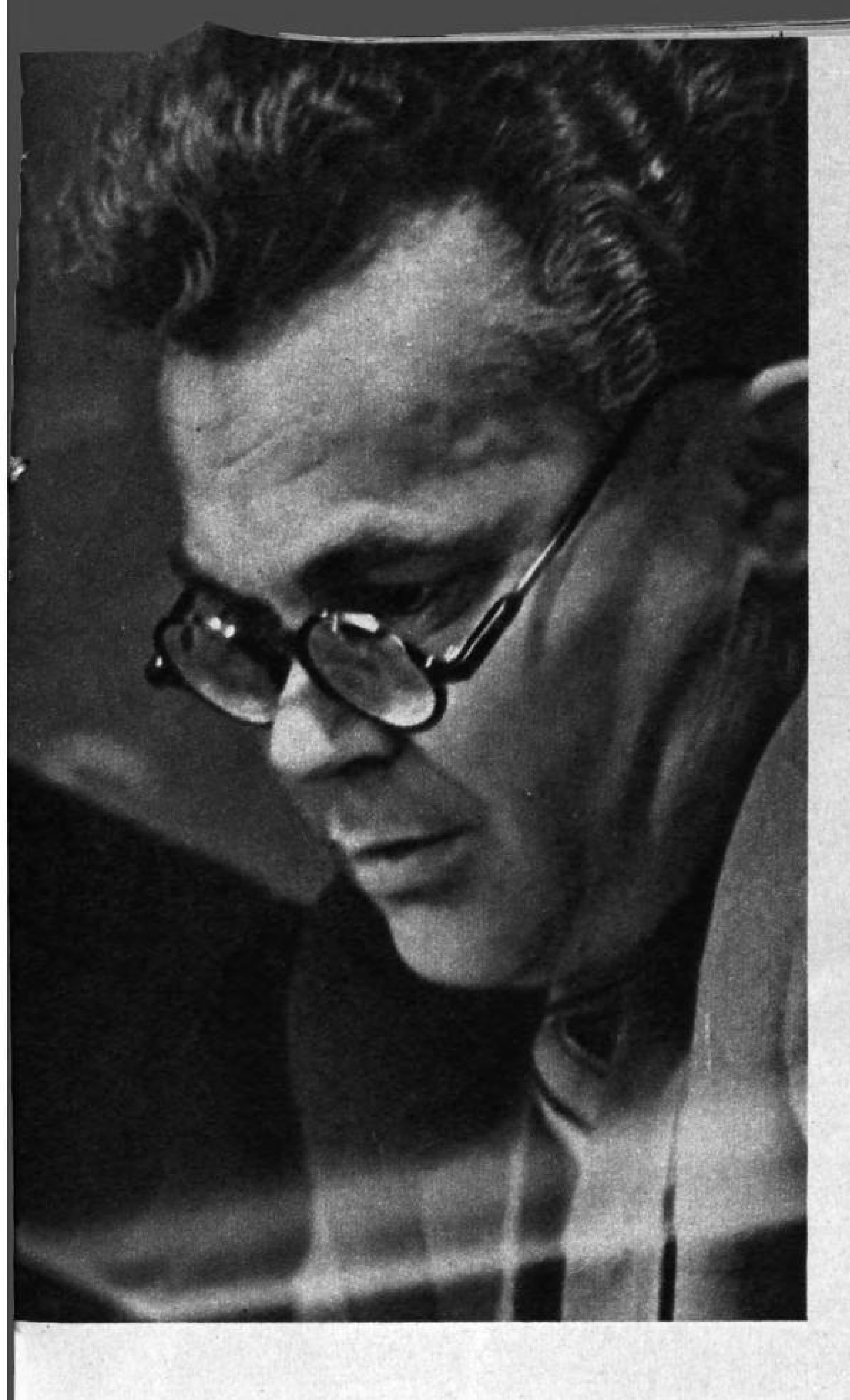
...И не один из них потом, после школы, придет сюда на завод.



— Большого счастья вам!



— Вроде бы получается? А?



нем зовется улица, на которой живут их потомки.

«Шайтанов» Пономаревых в Первоуральске много. Немало и других фамилий, которые целыми династиями определяют облик трудового города. Сложно фотографировать их вместе: кто на смене, кто в отъезде, кто живет уже вдали, изредка навещая родных. Удалось, например, собрать лишь половину столь же знаменитой в Первоуральске семьи Нарбутовских. Погода была плохая, и долго искали место, где собраться. Сфотографировались в местном Дворце спорта, потеснив группу занимавшихся легкой атлетикой.

Отцы, дети, братья, зятья, снохи, невестки, шуряки, тещи, тести, свояки — в русском языке десятки слов, обозначающих отношения близких родственников. Когда встречаются пятьдесят человек, с первого взгляда можно безошибочно определить дух их отношений. Нарбутовских! (Окончание «их» — на уральский лад: чьих вы?) Почти все, кто носит эту фамилию или породнился с нею,— трубопрокатчики: начальники на производстве, мастера, рабочие. И бросается в глаза добрый дух истого товарищества в отношениях между старшими и младшими представителями рабочей династии. Для наших заводских коллективов вообще не характерна воспетая в литературе патриархальная возрастная иерархия. Народ живет по мудрой пословице: хорошие отцы — сынам товарищи.

Нет в таких династиях и чинопочитания. Попытайтесь угадать, кто из тех, что запечатлены на снимке, занимает самый высокий пост? Это секретарь партийного комитета многотысячного завода Юрий Владимирович Нарбутовских (в середине, галстук в полоску). Попробуй он занесись в работе, в поведении, в речах — многочисленные братья скажут: «Осади, товарищ!»

...На заводе сейчас горячая пора: осваивается новый, только что выстроенный по последнему слову техники цех. В нем будут работать электроника, кибернетика. У ветвистого дерева нет безветренных дней, и трубопрокатчик старшего поколения, директор завода Федор Александрович Данилов каждый день в новом цехе. Коренной «шайтан», бывший рабочий, Герой Социалистического Труда, известный своими книгами инженер, он очень волнуется. Новая техника! Правда, ею командует многознающая молодежь, такие инженеры, как Эрик Освальдович Нодев, заместитель начальника цеха. Но все-таки... В общем есть о чем поговорить «отцу» и «сыну» сегодня. Отточенного мышления и четких действий от обоих поколений требует наше время, когда страна приступила к исполнению решений XXII съезда партии.

А на снимке рядом, под высокими ажурными сводами пролета, устремленного вдаль, встретились товарищи трех поколений. Слева — старший вальцовщик Сергей Ворошин. Он выученик мастера стана, депутата Верховного Совета Валентина Гавриловича Терехина, стоящего рядом. Терехин и в партию рекомендовал Сергея. К ним в цех пришел почетный металлург пенсионер Сергей Михайлович Желтышев — учитель Терехина. Спрятав руки в карманы, Желтышев с грустью смотрит на идущие внизу трубы, которым отдана вся жизнь. Но только ли трубам? Нет! Знания, опыт, умение переданы младшим и, обогащенные новым опытом, новыми достижениями техники, отдаются еще более младшим.

И как символично получилось, что в кадр случайно попал четвертый — парнишка в фуражке ремесленного училища, по-хозяйски шагающий мимо. Будто к ним, чтобы встать следующим в эстафете поколений.

Следующих много. Восьмиклассники первой школы-интерната частенько бывают в цехе. Волшебная феерия горячей работы увлекает их, и не один потом придет сюда после школы, чтобы посвятить свою жизнь трубопрокатному делу. Ремесло отца приличествует сыну — гласит древняя истина.

И пожелаем много детей, рожденных в счастливой любви, молодому электрику Юрию Топоркову и его юной жене Нине (на снимке — в центре), которых сфотографировали перед самой свадьбой во Дворце культуры. Кто знает, может быть, через полсотни лет в Первоуральск на ракете прилетит иной корреспондент и будет собирать династию Топорковых для трогательного кадра! И тогда снова читатель «Огонька» увидит дух истого товарищества, господствующий в дружбе разных поколений. Ведь нынешняя юность переймет все лучшее в мудрости отцов, которые молодеют, глядя на лучших сыновей. Переймет и разовьет.

А пока учение — одно из самых главных дел в жизни. Нет, на снимке не отец и сын решают сложную математическую задачу. Это два студента филиала Уральского политехнического института — токарь Володя Окатьев и мастер ремесленного училища Мунир Гарифуллович Хамзин. Наша страна славится количеством инженеров, но их нам надо еще больше. Новые цехи завода, новая техника зовут к учебе всех, независимо от принадлежности к младшему или старшему поколению.

Учится и вальцовщик Владислав Якименко. Отец его тоже работает на заводе. После десятилетки Владислав стал трубопрокатчиком, сейчас заканчивает четвертый курс вечернего металлургического техникума. Он попал в фотообъектив утром самого ответственного для него дня: вечером его должны были принимать в партию.

Раздумья. Волнения. Доверят ли товарищи? Можно много рассказать об этом парне, достаточно вглядеться в его лицо... Молодое поколение, вступая в жизнь, берет на себя ответственность за будущее нашего общества — идет в ряды ленинской партии отцов. И вот после смены — собрание коммунистов цеха.

— Кто за то, чтобы принять комсомольца Владислава Якименко в кандидаты партии?

Последний снимок свидетельствует о мнении товарищей.

Счастлива страна, которая может доверять своей молодежи, говорил один мудрец. Счастлива молодежь, которой доверяет народ!

Удалось собрать лишь половину семьи...

— А вдруг!.. Нет! Должны принять!

ША ЦЕЛЬ — КОММУН

...Счастлива страна, которая может доверять своей молодежи.

Галина ШЕРГОВА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Сказка может стать зауряднее размолвки в коммунальной квартире. Мне казалось, что этого басенного Зайца я встречаю каждый день у троллейбусной остановки. Что эта Лиса стоит со мной в очереди у «Гастронома» на углу. Что этот Медведь ежедневно «выбивает» свои биточки в нашей столовой. И, встречая этих сказочных персонажей на экране, я вовсе не ощущала того чудотворного трепета, который испытываешь, когда тебя как равного впускают в небудничный мир сказки.

А вот сегодня я называю эти записки о мультипликационном кино «путешествием в сто миров», называю радостно и убежденно. Ведь истинное искусство и должно распахивать неведомые двери в галактики человеческой фантазии, мыслей, чувств и представлений.

Я говорю «записки», потому что чувствую себя пришельцем в новые страны, развернувшим путевой блокнот.

Первая страна на моем пути называлась «Большие неприятности». (Сценарий М. Слободского, режиссеры В. и З. Брумберг, художники-постановщики Л. Азарх и В. Лалаянц.) Ее населяют человечки с лицами и телами, очерченными цветными карандашами, в акварельных юбочках и штанах. Человечки живут под спичечными крышами и смотрят на кудрявые, как барашки, деревья. Если вам хочется их видеть, загляните в альбом вашего ребенка — они такие же.

Я познакомилась здесь с одной семьей: папа, мама, сын Коля, дочка, барышня Капа и маленькая девочка. Мне рассказали о них на языке этой страны и показали, как они живут. И вот я увидела, что, когда Колю из класса в класс «за уши тащили», его действительно волокли за уши. Что, когда этот верзила «сел папе на шею», он и впрямь взгромоздился на папу. Что он «как извозчик хлещет водку», восседая на бутылке и погоняя ее хлыстом.

При знакомстве с Капой мне дали заглянуть в ее голову, где были «только тряпки, только танцы, только дяди-иностранцы». А когда папа, обремененный толпой домашних бездельников, «пустил налево холодильники», я увидела, как эти белые шкафы двинулись налево.

Таким образом, язык, столь похожий на наш, выражал понятия конкретные и был лишен всяческой фигуральности. Почему? Да потому, что мир этот возник в душе человека, которому было лет пять, не больше. Потому слова для него несли смысл прямой. Зато мир был веселым и наивным, каким и рисуют детские карандаши людей и землю. Этот член семьи рассказывал о «больших неприятностях» в их доме, как они открылись ему.

Встретилась на пути и сказка. Очень простенькая. Называется нехитро: «Козленок». (Сценарий С. Михалкова, режиссер Р. Давыдов, художники-постановщики Л. Позднеев и И. Урманче.) В этом карликовом государстве сказки (меря кинематографическими масштабами,— одна часть, десять минут зрелища) персонажи и обстановка тоже возникли в детском сознании. Земля и небо — точно вырезанные из цветной бумаги, а зверюшки такие, будто их какой-то малыш зарисовал, вспоминая посещение зоопарка, когда прогулка между клетками уже приоделась в одежды вымысла. Но главное не в этом. Малыш любит чувствовать себя в сказке повелителем. Нужно покончить со злым волком — зачеркнул ему башку красным карандашом,— и зло обезглавлено. Все! Победа!

Может быть, именно таких событий в «Козленке» не происходит, но законы единовластия любого малыша, прибывшего в эту страну, там непреложны.

Пограничное с «Козленком» государство на планете мультипликационного вымысла именовалось «Ключ». (Сценарий М. Вольпина, режиссер Л. Атаманов, художники-постановщики И. Шварцман и А. Винокуров.) Оно открывало свои пограничные пункты для въезда и взрослым и детям. Ведь и те и другие, побывав здесь, понимали: счастье человеку могут принести только всемогущие и мудрые руки человека-созидателя, и каждый ощущал себя чудотворцем.

Бывает так: вас пригласили в сказку, а там все точь-в-точь, как на вашей улице: и районное отделение милиции, и клуб ДОСААФ, и тетя Маша, торгующая на углу пирожками. Подумаешь, важность, если милицейский участковый разгуливает в тигровой шкуре, зав. клубом обряжен каким-нибудь горным козлом, а у тети Маши торчит из-под передника лисий хвост. Все равно буднично. Нет сказки.

А вот другое: все вокруг необычайно, все впервые, вы и додуматься до этого не могли. А тем не менее чувствуете себя свободно: вам придана прекрасная способность самому стать фантастическим персонажем. И в нерукотворном этом мире все время что-то толкает вас в сердце: возможно, конечно, возможно!

У нас иногда бывает — размахнется автор в своем творческом воображении, покажет мир интереснейший, им одним увиденный и нам раскрытый, а потом, конфузливо прикрывая рот платочком, извиняется: простите, это все был сон, который моему герою снился.

В «Ключе» авторы фильма не извиняются и ножкой не шаркают; все тут вместе — и «бытовинка» и чудеса,— никакой не сон. Раз надеялись герои на чудо — вот оно. Только, видите, жизнь в сто раз завлекательнее.

И вот я раскрываю ту страницу путевого блокнота, на которой стоит слово «Баня». Я знаю, о фильме будут спорить. Но мне он был интересен, ибо авторы (режиссеры С. Юткевич и А. Каранович, художник-постановщик Ф. Збарский) сумели творчески, по-своему ощутить поэтику Маяковского.

Персонажи фильма различны не только по характерам и внешности. Они различны по природе происхождения и потому скроены из разных материалов. Важно, какие стороны дарования поэта произвели на свет тот или иной персонаж. Мы могли только догадываться об этом, Юткевич же нашел пластическое выражение.

Сатира породила куцые фигурки кукольного Главначпупса и его компании, механизм их движений и поступков. С базарных открыток пришли плоские нэпманские дамские «головки», высунувшиеся из мещанских обиталищ. А вот заплясали «канканщицы», толстозадые и коротконогие. Они живые и в то же время карикатурны. Режиссер взял «нормальные» съемки того времени и, «растянув» их на широком экране, сделал шаржем, ибо только шаржем на искусство воспринимал Маяковский подобные художества.

Но «Баня» не только порождение сарказма поэта. В ней и восторг перед сегодняшним днем и мечта о завтрашнем. Пафос и лирическая приподнятость.

Так в мир мультипликации вторгся наш величавый день, запечатленный хроникой. Так в «Марше времени» ожил плакат. Плакат, отвергающий натурализм подробностей, заключающий в себе только Веру и Порыв.

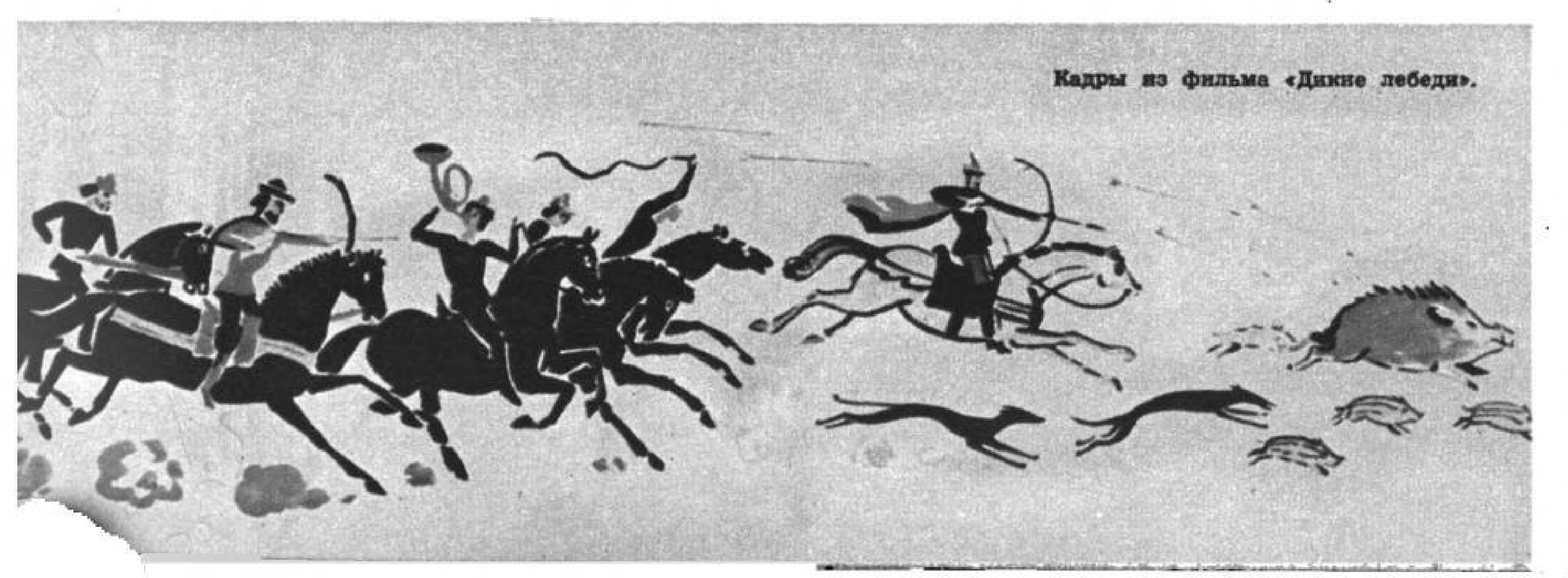
Я не рассказываю сейчас о двух фильмах, кадры из которых вы видите на наших вкладках: «Чиполлино» (по Д. Родари, сценарий М. Пащенко, режиссер Б. Дежкин, художник-постановщик П. Саркисян) и «Дикие лебеди» (сценарий Е. Рысса и Л. Трауберга, режиссеры М. и В. Цехановские, художник-постановщик Н. Лернер). Мне хочется, чтобы, взглянув даже на эти «немые» кадры, вы сами ощутили те черты новизны, о которых говорилось выше.

Я заканчиваю свои записи; дело не в том, чтобы множить число примеров. Мне хотелось сделать азбучное и в то же время очень ободряющее заявление: искусство изобретает и открывает сто миров. Побывать в них — большая удача для человека. И не дай бог, если проживешь, не узнав, что любая вещь рядом с тобой наполнена бесконечными значениями и способна на превращения. Как это было бы уныло!

Я узнала сегодняшний день мультипликации, и мне повезло. Вам тоже повезет, посмотрите.

В цехе, где работает раскрасчица Антонина Петровна Рубанникова, «делают» цвет.

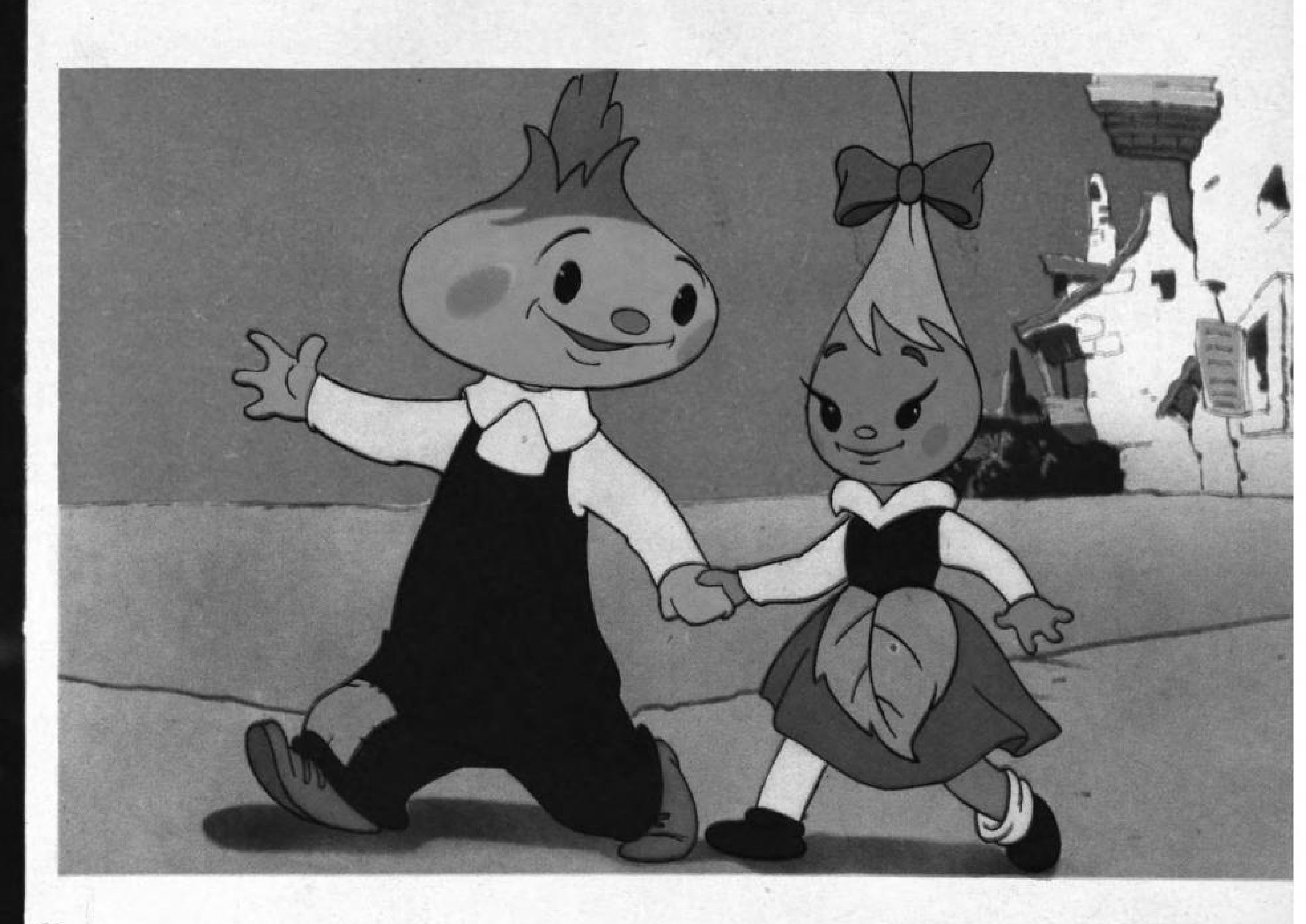
ПУТЕШЕСТВИЕ



Кадры из фильма «Дикие лебеди».

В СТО МИРОВ

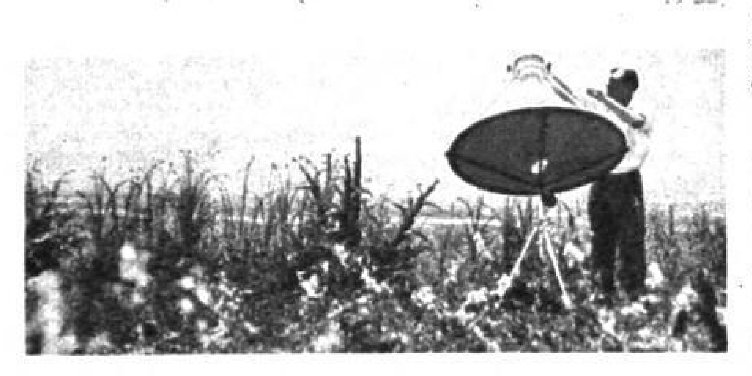
Кадры из фильма «Чиполлино».



← Идет съемка мультфильма. Главный оператор Михаил Захарович Друян.

Валентина Дмитриевна Турубинер монтирует широкоэкранный фильм «Дикие лебеди».

СОЛНЦЕ НЕСЕТ ПРОХЛАДУ



Переносная солнечная кухня.

Фото Г. Копосова.

Каракумы. Июль. Термометр показывает в тени 42°. На поверхности песка — градусов на 30 больше. Все живое ищет в эту пору укромного места, чтобы спастись от убийственных лучей солнца. Десяти минут достаточно, чтобы ядовитая змея гюрза, привязанная на солнцепеке, «изжарилась» заживо.

Солнце — неиссякаемый источник тепловой энергии. Заставить эту энергию работать — такова одна из актуальнейших задач науки. Ученые Москвы и Ашхабада создали несколько любопытных гелиоустановок.

Вот переносная солнечная кухня. Алюминиевое зеркало концентрирует лучи и направляет их на днище чайника или сковороды, легко закрепляемых в фокусе. Три литра воды закипают в течение нескольких минут.

А вот еще одна новинка. Она демонстрировалась на недавно закончившемся Всесоюзном совещании по освоению пустынь. Это солнечный холодильник. Он создан в Физико-техническом институте Академии наук Туркменской ССР под руководством кандидата технических наук К. Таганова. Холодильник предназначен для создания микроклимата в помещениях. В зданиях, оборудованных такими установками, будет на 10—12 градусов прохладнее, чем снаружи. Солнце исполняет в этом холодильнике примерно ту же роль, что электричество в «ЗИЛе» или «Востоке».

В. КРУПИН

Монтаж солнечного холодильника.

С ПОМОЩЬЮ ПОЛУПРОВОДНИКОВ

Кожное заболевание поразило небольшой участок на кисти руки человека.

— Лечить будем холодом, — сказал врач.

И вот больному на пораженное место надели небольшой аппарат, по форме и размеру напоминающий ручные часы. Это маленький полупроводниковый холодильник. Он весит всего сто граммов. Больной с такими «ручными часами» может спокойно ходить и двигаться.

Новый лечебный прибор создан ленинградскими учеными в лаборатории термоэлектрического охлаждения Института полупроводников Академии наук СССР.

— С помощью полупроводников можно создавать очень легкие и компактные холодильники, — рассказывает заведующий лабораторией Евгений Андреевич Коленно. — Электрический ток, проходя через металл, создает тепло. Если же он проходит по цепи из двух специально подобранных полупроводников, то в одной ее части выделяется тепло, а в другой — холод. И холод значительный — в 50—60 градусов.

Сейчас в лаборатории разработано уже более шестидесяти различных охлаждающих приборов небольших размеров. Они нашли применение в самых различных областях техники, сельского хозяйства и, как мы только что видели, медицины.

А. ГОЛИКОВ

ДЯДЯ МИША

Так ласково называют жители Бреста Михаила Игнатьевича Игнатюка — участника легендарной обороны Брестской крепости, активного бойца антифашистской подпольной группы в одном из лагерей военнопленных.

Михаил Игнатьевич и сейчас живет в Бресте. Он помогает бережно сохранять священные реликвии героической борьбы советских людей с фашистскими ордами, став одним из руководителей Совета ветеранов обороны крепости.

Горожане, особенно молодежь, часто встречаются с дядей Мишей, внимательно слушают рассказы о том, как сражались советские люди с гитлеровскими захватчиками и белогвардейскими бандами. Ведь дядя Миша — участник и гражданской войны! Сорок лет прослужил он в Советской Армии, сначала рядовым стрелком, а затем старшиной музыкального взвода.

Рассказы дяди Миши помогают молодежи узнать о героическом прошлом Родины, проникнуться истинной верой в торжество мира и справедливости на земле, во имя которых сражались с врагом их отцы и деды.

Вот почему мне захотелось хотя бы коротко рассказать об этом хорошем, скромном человеке и нарисовать его портрет.

А. КОЖИН

«МАШУК»

Далеко за пределами нашей страны известны кисловодский нарзан, минеральные воды из Ессентуков, «Смирновская» и «Славяновская» из Железноводска. А вот Пятигорску до сих пор «не везло». Здесь действуют десятки целебных источников, вода которых обладает высокими целебными качествами. Но ее, к сожалению, не встретишь в продаже в других городах. Пятигорскими источниками могут пользоваться лишь те, кто приезжает сюда.

Недавно Пятигорское курортное управление открыло экспериментальный цех для разлива минеральной воды «Машук». Под высоким давлением выходит она из земных недр у подножия горы. Пятигорская минеральная вода богата углекислым газом, натрием, калием, кальцием, магнием, хлором.

По целебным свойствам «Машук» превосходит прославленный кисловодский нарзан, да и по вкусу не уступает ему. В отличие от всех других пятигорских минеральных вод «Машук» не имеет сероводородной примеси, неприятной на вкус.

По предварительным данным, буровая скважина № 19 может давать в сутки количество воды, вполне достаточное для массового промышленного разлива.

Пока же за смену разливается очень мало — всего лишь 6 тысяч бутылок. Следовало бы построить специальный завод для разлива «Машука». И тогда в самых различных уголках нашей страны появится в продаже эта отличная лечебная вода.

Ю. БОТЕВ

Над каналом

Вокруг Москвы сооружается кольцевая магистраль. Автострада пересечет шоссейные дороги, пройдет над Москвой-рекой, реками Сходней, Сетунью, через канал имени Москвы.

Длина моста, который сооружается вблизи Химкинского речного вокзала, — 220 метров. По обеим сторонам моста будут проложены широкие тротуары. Под мостом смогут проходить не только речные, но и морские суда.

Архитектор Н. ЮРИКОВ.

Строительство моста у Химкинского речного вокзала в Москве.

Рисунок автора.

ДЕТИЩЕ ЭНТУЗИАСТОВ

РЭТ — рабочий эстрадный театр. Это — детище энтузиастов художественной самодеятельности тракторного завода в Липецке. Многие темы выступлений и законченные эстрадные номера рождаются не только на репетициях, но и в минуты коротких встреч во время перерывов.

— Есть тема!

В обеденный перерыв к инженеру — испытателю тракторов, рэтовцу Марату Захарову (третий справа) пришли его друзья по театру.

Фото Б. Кузьмина.

Баловень судьбы

Когда Хайн ушел, Шмидт сказал:

— Я сегодня сидел в одиночестве и размышлял... Вы баловень судьбы, господин генерал-полковник. Черт побери, на вашу высокую долю выпала разработка плана грандиозного похода от границ рейха до великой русской реки. И вам же выпало счастье осуществить этот поход.

Генерал-полковник заворочался на койке. Перед ним возник летний, залитый солнцем день в Берлине, громадный кабинет, который он занимал в военном министерстве, паркет, покрытый шведским лаком и ослепительно блестевший: широким полотном лежал на нем солнечный луч.

Утром его, обер-квартирмейстера (или начальника оперативного управления, что одно и то же), вызвал начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер и приказал проанализировать план вторжения в Россию, названный «Барбаросса». Гальдер сказал, что этот план кое в чем не удовлетворяет фюрера. Речь шла о том, чтобы молниеносным ударом ста тридцати — ста сорока дивизий захватить Москву, Ленинград, Украину и, двигаясь сплошным фронтом, выйти на линию Волги.

Генерал-полковник, разумеется, знал, что разговоры о «Барбароссе» велись в генеральном штабе еще с весны сорокового года. Он слышал о плане уничтожения вооруженных сил России и ликвидации ее как государства. Фюрер отдавал Советский Север Финляндии, устанавливал протектораты в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии, решил загнать русского, вы заявили, что это совершенно невероятно. Я говорю о нападении России на рейх.

— Фюрер считается только со своим мнением, коллега.

— Разве фюрер забыл слова генерала Секта, предупреждавшего, что если Германия начнет войну против России, то она будет вести безнадежную войну? Разве фюрер не знает мнения Секта, что Россия не может погибнуть?

Гальдер усмехнулся.

— Ну, вы известный приверженец идей Ганса Секта. Вы, но не фюрер.

— Тем не менее я бы взял смелость напомнить ему предупреждения Секта, пока не поздно.

— Увы, поздно. Итак, займитесь планом.

И генерал-полковник занялся им. Уже в октябре сорокового года он доложил об основном замысле операции, решение которой возлагалось на группы армий «Север», «Центр» и «Юг». Он участвовал в бесконечных совещаниях у фюрера и в генеральном штабе. Он проводил военные игры и оставался довольным ими. И все же его не покидала мысль предупредить фюрера и снять с себя хоть часть ответственности за то, что произойдет, повернись дело худо.

Фюрер с каждым днем воспламеняется все более и более. Ему море по колено! Он только и говорит о том, что Россия — главная проблема Европы, что должно быть сделано все, чтобы быть готовыми к полному расчету с ней. Существование второй великой державы на Балтийском море нетерпимо. Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна сорок первого года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь успех, если мы одним ударом разгромим государство. Если Россия будет разбита, у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет только Германия. Создание военной русской державы по ту сторону Урала не может стать на повестку дня, хотя бы нам пришлось для того воевать сто лет. Фюрер решил также, что он не позволит носить оружие всем этим славянам: русским, полякам, чехам, болгарам, а также французам, казахам и прочим дикарям. Оружие должно быть только в руках немцев. Только они имеют право владеть им, и это оружие во всей силе должно быть употреблено в России. Да, там война должна быть иной, чем на Западе. Жестокость в России — залог успеха. Потом мы подумаем, как кастрировать эту нацию, как сделать так, чтобы она поменьше рожала детей. Русские будут уметь считать до пятисот, но учить их читать не к чему. Интеллигенции не будет. Через двадцать лет русские забудут, что они русские...

ских за Урал, а на путях войны расстреливать большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию...

Да, все это было ему известно, но он никогда не думал, что это так серьезно. Чтобы удостовериться в этом, он спросил как бы между прочим Гальдера:

— Разве пакт о ненападении утратил свою силу?

— Нет, он еще действует, но фюрер заявил, что соглашения следует соблюдать лишь до тех пор, пока они служат определенной цели. Дело в том, коллега, что фюрер освобождает наш разум от грязных самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью. Это, во-первых, коллега, во-вторых, если политик, я говорю о фюрере, не находит больше возможности устранить опасные противоречия с Россией дипломатическими средствами, тогда у него нельзя отнять право решить задачу защиты собственной страны против враждебного вторжения с помощью нападения.

— Позвольте, разве Россия намерена напасть на нас?

— Да, мы знаем это из достоверных источников.

— Можно познакомиться с ними?

Молчание.

— Но буквально на днях, коллега, вы сами говорили о невероятности развязывания инициативы со стороны русских и что не стоит проводить слишком поспешные меры. Более того, вы заявили...

Генерал-полковник, слушая истерические выкрики фюрера, усмехался. Он не принимал всерьез этот бред. Мало ли что болтают политики, мало ли что поют распропагандированные ими молодые олухи! Например, песня, которую генерал-полковник слышал как-то, гуляя по Берлину:

Если мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать!
Мы все равно должны маршировать дальше,
Потому что сегодня нам принадлежит
Германия,
Завтра — весь мир!

Однако, усмехаясь про себя, генерал-полковник усердно трудился над «Барбароссой». Тринадцатого декабря созывается совещание начальников штабов групп армий и армий. Генерал-полковник докладывает о проблемах восточной операции. Ровно через месяц он докладывает фюреру о разработанном плане. Фюрер принимает решение: как можно скорее свалить Россию. Через двенадцать дней генерал-полковник обсуждает с чинами штаба детали оперативного плана. Все готово и ждет решения фюрера: когда?

Наконец фюрер назначает день: 22 июня сорок первого года. Он снова истерически вопит о коммунистической опасности и борьбе двух идеологий. Он утверждает, что коммунист никогда не станет товарищем любого немца. Он предупреждал, что речь идет о борьбе до полного уничтожения. Командиры частей должны знать эту главную цель войны, не подвергаться яду деморализации, идти на жертвы и преодолевать жалкие колебания совести.

Генерал-полковник слушает и качает головой. Втихомолку, конечно.

И вот война начинается. Гром побед. Расчет был широчайший: свалить Россию в шесть недель. Идут недели за неделями. «Колосс на глиняных ногах», каким представлял ее фюрер, не падает. Не падает, подумать только! И, что еще поразительнее, воюет не только армия — поднимается весь народ! Эти ужасные партизаны, сколько они доставляют хлопот! Что-то не так, что-то, видно, упущено, не учтено, не до конца выявлена сила этого народа, его физическое могущество и громадная сила идеологии.

Да, все идет не так стремительно, как бы хотелось, как планировалось, как мечталось фюреру и его генералам.

Блицкриг не удается, что теперь уже совершенно ясно. Генерал-полковник вспоминает зловещие слова Ганса Секта. Он идет к фельдмаршалу Кейтелю и заводит с ним разговор. Очень осторожный. Что, мол, не мешало бы подумать, что делать дальше. Что, мол, Сект вроде бы был прав.

Фельдмаршал Кейтель резко осаживает его. Генерал-полковник пожимает плечами. Пожимает плечами, вот и все. Потом возвращается в кабинет и занимается своими делами.

На этом не окончилось. Генерал-полковника назначили командующим той самой армией, которой надлежало выйти на линию Волги. Командовать армией? Но ведь он теоретик, военный ученый, стратег на бумаге, в лучшем случае могущий сражаться на столе, покрытом картами, и после игр делать соответствующие выводы. Да, он участвовал в операциях против Бельгии, Франции и Польши, но не командовал. Он был и там кабинетным стратегом — начальником штаба разных армий!

Фюрер номер один, то есть сам Гитлер, не стал слушать доводов генерала. Фюрер номер два — им был Геринг — сказал, что армия с восторгом ждет того, кто поведет ее к великой русской реке и добудет миллионы тонн русского хлеба, масла, мяса, руды, резины, бензина.

Гиммлер, рейхсфюрер СС, глава гестапо и пр. и пр. (фюрер номер три) добавил:

— Не забывайте уничтожать коммунистов, комиссаров, евреев и вообще всех, кто попадет вам в руки. Евреи и славяне должны исчезнуть.

Фюрер по вербовке рабов сказал:

— И пригоните в Германию два-три миллиона русских. Мы найдем им здесь работу.

Продолжение. См «Огонек» №№ 22, 23.

Николай ВИРТА

Повесть

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Хромоногий рейхсминистр пропаганды одобрительно похлопал генерал-полковника по плечу, с приятной улыбкой заметил:

— Вы будете воевать не за трон фюреру, а за обильные завтраки, обеды и ужины для каждого немца. Восхищайтесь счастьем, выпавшим на вашу долю.

Главный фюрер резюмировал:

— Решено!

Генерал-полковник пошел воевать. Да, он завоюет для любимого фатерланда огромные просторы, отгрузит тысячи тонн хлеба, мяса, масла, шерсти. Он заставит этих русских попотеть на полях во имя того, чтобы каждый немец ел обильные завтраки, обеды и ужины. Да, он пошлет два-три миллиона славян в Германию, чтобы они сменили тех, кто нужен на фронте.

Нет, он не умничал и ни в чем не сомневался.

Он шел напролом и здесь, не прилагая усилий к тому, чтобы замечать страдания и несчастья людей, подвергшихся разбойничьему набегу. Его не трогали кровь и слезы, горящие села и разрушенные города, оскверненные храмы и трупы, трупы, трупы без конца, трупы не только русских солдат, но и тех, кто не мог воевать,— матерей и детей, дряхлых старух и преклонных старцев... Жестокость? Понятие относительное: смешно воевать в белых перчатках с дикими русскими, с их ужасными бородатыми партизанами, воскресившими мрачные страницы из истории нашествия Бонапарта.

Отлично выспавшись и обильно позавтракав, генерал-полковник писал или отдавал приказы, отличавшиеся предельной ясностью и лаконизмом: загнать клин глубже, еще глубже, в самую сердцевину России, сломить упорство комиссаров и солдат и идти вперед. Только вперед, к великой реке!

Скорее, марш, марш!

Его армия рвалась к Волге.

Чудесное лето, прелестный воздух, незабываемые степные пространства, красивые, полные зелени города, медлительные полноводные реки, победные сводки, победоносные речи фюрера, безудержное ликование там, в рейхе, ордена и отличия, рассыпаемые щедрой рукой.

Ах, как все это было прекрасно!

Уже мерещился близкий конец кампании; уже видели передовые части вермахта колокольню Ивана Великого и шпиль Адмиралтейства...

Но что это? Почему остановка? Почему вдруг изменился тон сводок? По какой причине не грохочут литавры и барабаны? И что случилось с фюрером? Отчего не слышно его речей, где истерические вопли перемежались со смехом, похожим на хриплый лай пса?

За какие прегрешения получил пинок в зад фельдмаршал Браухич?

Неужели Московская битва — новое Бородино?

Неужели снова, подобно Бонапарту, бежать сломя голову по сожженному краю?

Но нет.

На этот раз со скрипом и крёхтом германская машина кое-как оправилась и снова пошла вперед. Вот уже развевается германское знамя на Кавказском хребте. Крым у ног фюрера, и германский солдат вышел на берег великой русской реки, куда генерал-полковник так стремился! Однажды в бинокль он увидел огромный, растянувшийся на много километров город, а за ним ровную, блиставшую на солнце гладь реки.

Над городом пчелиным роем носились бомбардировщики и истребители. Над городом взвивались языки пламени... Там свирепствовала война. А река мирно катила свои волны к морю, как вчера, как сто лет и тысячелетия назад, равнодушная к тому, что происходило на ее берегах, где, бряцая оружием, проходили бесчисленные орды забытых народов, не раз окрашивая ее воды кровью и оставляя на прибрежных песках трупы, становившиеся добычей волков.

И вот до этой реки, повинуясь приказу фюрера, как называли предводителя еще одной ужасной орды, дошел и он, генерал-полковник.

Горделивая улыбка появлялась на узких бескровных губах всякий раз, когда он думал, что именно он первым из германских полководцев всадил клин в сердце России и стал ногой там, где еще никогда доселе не стоял немецкий сапог.

Шли дни за днями. Вот разрушен и сожжен город, вот снова кровью окрашены воды Волги, вот-вот, казалось ему, падут последние доты и укрепления русских, и если не сегодня, так завтра они оставят последние рубежи и уйдут за реку. Тогда флаг со свастикой взовьется над этой волжской скалой. Но город взят и не взят, русские разбиты и не разбиты, Волга не форсирована и равнодушно катит свои воды в далекое море.

Осенние туманы поплыли над великой равниной, потом замелькали в воздухе первые хлопья снега. Лед сковал могучую реку, а русские стоят. Стоят! И нет, кажется, такой силы, которая могла бы сломить их чудовищное упорство. Но они не только стоят, они кидаются в контратаки, они то там, то здесь прорывают фронт, забирают пленных, бомбят, громят из орудий, поливают огнем минометов и этих страшных своих «катюш».

Генерал-полковник опять вспоминает Секта. Слишком поздно! Уже ничего не поправить! Его просьбы, его настоятельные требования, его взывание к благоразумию остаются гласом вопиющего в пустыне...

И вдруг грандиозный, ни с чем не сравнимый ноябрьский обвал! Генерал-полковник знал, что русские готовят наступление. Но его успокаивала мысль, внушенная ему сверху: у русских нет таких сил, чтобы начать крупную наступательную операцию. Он отвергал всякую возможность подобного дерзкого предприятия со стороны русских и не предполагал, что они могут, выражаясь народным языком, так дать ему по зубам. Он и морально не был готов к окружению. Но вот фронт прорван, фронт в панике откатывается назад, на запад... Русские продвигаются так стремительно, таким навалом, что все трещит, ломается, шатается сознание генералов и шатается сам командующий.

Стало быть, он был прав, допуская возможность более глубокой, более сосредоточенной военной мысли у русских? Но тогда он лишь спорил сам с собой и тешился надеждой, что, может быть, и ошибается. Теперь это уже не ошибка. Очевидность встает перед ним во весь рост. Железный клин, загнанный так глубоко в сердце России, сломан у своего основания — так ломается гнилой зуб. Шестая армия — острие клина, подобно зверю, заперта в клетку. Теперь уж не о том думает генерал-полковник, чтобы заставить русских уйти за Волгу, а о том, как выбраться из клетки самому.

— Так о чем же думает фюрер? — часто спрашивает себя генерал-полковник.

Фюрер беснуется, изрыгает проклятия и приказы одновременно. Он фантазирует, планирует одну операцию за другой... Русские безжалостно срывают их, фюрер срывает ярость на подчиненных, на генералах. Кое-кто из них начинает мысленно обрушивать свою ярость на фюрера.

Так возникает чудовищно лживая легенда о виновности только одного фюрера и невинности тех, кто выполнял его приказы.

Город на Волге казался плодом, готовым упасть к ногам победителей. Нет, он не пал. Вместо блистательной победы — жестокое поражение. Кто виноват? Генерал-полковник тоже начинает искать виновника. Кто он? На кого можно свалить катастрофу, тем обелив перед историей и народом самого себя и ему подобных? Генерал-полковник жаловался Адаму: не был ли он слишком наивным, доверившись недальнозоркому фюреру? Не обманулся ли он в нем, и надо ли было воспитывать в себе и других слепое чувство поклонения? И кому? Тому, кто ввергает Германию в пучину несчастий, тому, кто ответствен за все решительно, в том числе и за трагедию армии, зашедшей по воле фюрера так далеко?

Да, теперь генерал-полковник валил все на фюрера и его советников. В уединенных беседах с Адамом он называл приближенных фюрера «камарильей», забыв, что сам очень долго был приближенным... Так он очищал себя от жестоких упреков, которые, останься он жив, ему бросят в лицо.

Адам соглашался с ним. Да, увы, фюрер не оправдал надежд. Да, увы, он был и остался ефрейтором в войне и политике. Он привел нацию и армию к поражению. И ради чего? Ради престижа.

Хайн, слушавший эти дырявые, как решето, рассуждения, тоже был согласен с шефом. Ах, фюрер, фюрер, какой ты нехороший! Однажды он даже поддакнул генерал-полковнику, но был сурово оборван.

И в самом деле! Право размышления и критики втихомолку дано начальству. Тем более что не Хайну, а именно начальству придется отвечать перед судом истории.

Чем меньше будет улик, тем легче приговор. Разве, например, он, генерал-полковник, посылал Хайна грабить мирных русских людей и отнимать у них новогоднего гуся? Конечно, Хайна вызовут на суд, и прокурор-большевик допросит его насчет этого гнусного дела. У Хайна хватит совести признаться, что гуся он украл без ведома генерал-полковника. Мелочь, но и она снимает часть вины, хотя, разумеется, никакой вины генерал-полковник за собой не признавал. Ведь он подчинялся приказам! Они оказались неразумными? Что делать. Мало ли в истории таких случаев!

Сидя за столом, генерал-полковник с удовлетворением думал, как он правильно поступил, учинив Хайну разнос за то, что тот обидел мирных русских, украв у них новогоднего гуся. Генерал-полковнику было либо невдомек, либо он не хотел думать о том, что у русских, оставшихся в городе, отобраны все человеческие права, разрушены жилища, расстреляны и замучены в камерах гестапо близкие люди, непокорные рейху.

— Счастье? — повторил генерал-полковник.— Оно изменчиво, Шмидт. Особенно военное счастье.

— Вам везло до сих пор,— живо возразил Шмидт.— Вам еще повезет. Мы схватили их за горло нашей железной рукой. Им не вырваться.

Шутит он или издевается?

— Кто и кого держит железной рукой, Шмидт? Не забыли ли вы, что до переднего края полчаса ходьбы?

— Нас выручат. Фюрер обещал. Генерал Гот пробьет коридор к нам.

— Господи, сколько раз я слышал об этом! Сколько раз рейхсмаршал обещал навестить нас, и даже сам фюрер хотел приехать сюда! Что толку? Армия? Ее нет. Есть котел, а в нем — ад. Еще не было случая, чтобы человек возвращался на землю из рая или из ада, Шмидт.

— У вас сегодня неважное настроение. Вы больны. Я пришлю врача.

— К черту врача! — Генерал-полковник вскочил, быстро подошел к столу, лихорадочным рывком открыл один из ящиков, вынул из него бумагу.— Вы читали это?

Шмидт водрузил очки на длинный нос.

— Что такое?

— Инструкция советского командования своим войскам. Вы слышали о Суворове, Шмидт? Он колотил Фридриха Великого и Наполеона. То, что я прочитал, напомнило мне суворовские приказы. Читайте вслух, черт побери! Это написано так отлично, что я мог бы приказать выучить наставление советского командования наизусть, но теперь это ни к чему. Итак, читайте.

— «Ворвавшись в здание,— начал Шмидт,— помни: всякое промедление смерти подобно. Тут не зевай, глуши противника чем попало. Перед тобой стена — взрывай ее толом. Фашист засел в подвале...— Шмидт поперхнулся, потом снова начал читать: — Гм... Фашист в

подвале — бросай бутылку с горючей смесью, струю из огнемета, они выкурят. Вскочил на лестницу — поднимайся на верхний этаж, брось дымовую гранату, слепи противника. Потом гранату — в комнату, прочесывай огнем автомата и рывком — вперед! Заскочил на следующий этаж — сразу вламывайся в квартиру. Дверь заперта — не беда. Подвешивай гранату к дверной ручке, отбегай, взрывай. Граната вышибет запор и оглушит фашистов. Теперь спускайся в подвал, там еще остались бандиты; в подвале дверь закрыта, гранату или бутылку бросать нельзя. Открывай пожарные и водопроводные краны, спускай воду, вода сама найдет вход и утопит фашистов, как крыс...»

Шмидт положил бумагу на стол, снял очки.

— Н-да! Сильно написано,— сказал Адам.

— Если бы только это осталось на бумаге! Они слепят нас, бьют, топят... Сегодня они отбивают одну комнату, завтра — дом, послезавтра — квартал. Что будем делать, когда эти ученики Суворова дойдут до квартала, где сидим мы?

Шмидт провел рукой по голове.

— Очевидно, сражаться. А потом...

— Что потом?

— Еще ни один командующий германской армией не сдавался большевикам.

Генерал-полковник остановился перед Шмидтом. Глаз его сильно дергался.

— Я не ослышался? — хрипло проговорил он.— Вы сказали...

— Что германские генералы не должны сдаваться большевикам.

— На что вы толкаете меня, Шмидт?

— Разделить судьбу армии и каждого солдата, если такова будет воля бога.

— При чем здесь бог? — взорвался генерал-полковник.— При чем здесь бог, спрашиваю я вас? — загремел его голос.— Неужели ваше кощунство зашло так далеко, что вы возлагаете ответственность за случившееся на творца вселенной?

— Я лишь взываю к вашему долгу и чести.— Шмидт еще никогда не видел командующего таким возбужденным.

— Совесть и честь? Не фюрер ли советовал нам отбросить эти химеры, Шмидт?

— Это было сказано в запальчивости.

Генерал-полковник, тяжело дыша, опустился на койку.

— Хорошо,— сказал он вдруг ослабевшим голосом.— Я знаю, как поступить, согласно со своей совестью, долгом и честью. Их дал мне бог, они вложены в меня матерью и отцом, их развивали мои учителя. Я не считаю нравственность химерой. Идите, Шмидт, я хочу поспать. Адам, вызовите ко мне коменданта города и передайте верховному главнокомандующему: мы не нуждаемся в приказах стоять насмерть, и без того мы на краю могилы. Нам нужны еда, медикаменты, одежда, снаряды и бензин.

Разные суждения безответственных лиц

Хайн, слушавший в своей клетушке разговор командующего, его адъютанта и начальника штаба, улучив минуту молчания, выскользнул в коридор.

Эберт покуривал, прислонившись спиной к пианино.

— Отдыхаем, толстячок? — спросил Хайн.

— Генерал Роске не любит, когда курят в его комнатах. Он не выносит табачного дыма.

— Скажи-ка, неженка! — Хайн рассмеялся.

— А сам, между прочим, не выпускает изо рта сигареты,— продолжает Эберт.— Что делать, они начальники, мы подчиненные.

— Мы все подчиненные фюрера,— важно сказал Хайн.

— Да, да, вон и Роске теперь болтает, что если бы он не всегда подчинялся приказам фюрера и был бы поумнее, не случилось бы того, что случилось.

— Мои тоже в последнее время разглагольствуют на эту тему. Соберутся вдвоем с Адамом и начинают и начинают...—Хайн присел на корточки, попросил у Эберта покурить.— А уж когда приходит генерал Зейдлиц, тут спорам конца нет!

Эберт отдал Хайну недокуренную сигарету, смачно сплюнул, помолчал, потом сказал:

— Я в детстве был чертовски ленивым парнем. Ох, и попадало же мне от отца и матери!

А я на чем свет стоит поносил проклятых учителей. Они вечно спрашивали как раз то, что я не зазубрил, или задавали уроки, которые мне было не под силу учить. Я делал им такие пакости, что весь класс, бывало, потешался. Только спустя некоторое время я понял, что учителя, конечно, были плохие, но не лучше их был и я. Учился бы как следует, был бы не ефрейтором, а генералом.

— Вполне возможно,— согласился Хайн.— Ты умный. А учителя, ты верно сказал, все подряд дрянь. Знаю по собственному опыту.

— Тоже все сваливал на учителей?

— А как же! — Хайн рассмеялся.

— Скажу откровенно, Хайн, мне до смерти опротивели рассуждения Роске насчет фюрера и рейхсмаршала Геринга. Они, видишь ли, виноваты, что мы проигрываем войну. Хо-хо! Уж если быть до конца честным, мы потому проигрываем войну, что ее выигрывают русские. Я говорил тебе утром: то мы колотили их, теперь они колотят нас.

— Ну, мы — это еще не вся армия,— неуверенно сказал Хайн.

— А сражение под Москвой? Ты что думаешь, мы потому не взяли Москву, что начались дикие морозы, как болтали у нас в штабах? Пошевели мозгами, дурень!

— Я не понимаю,— угрюмо отозвался Хайн.

— Оно и видно, что ты остолоп,— вдруг рассердился Эберт.— Оттого драпают, что приходится туго от русских.

— И откуда только у них взялась такая сила? — помолчав, спросил Хайн.

— Черт их знает! — Эберт почесал живот.— Роятся, словно пчелы. Народу у них пропасть.— Он зевнул.— Наши бахвалились по радио и в газетах, будто истребили всю русскую армию. Чуть ли не два миллиона пленных да убитых за три миллиона перевалило. Если бы так было, кому же драться? А они дерутся и дерутся. И гонят наших. Вот они-то и виноваты в наших дрянных делах.

— Я читал, будто им очень плохо жилось при большевиках,— заметил Хайн.— Непонятно, почему они так дерутся за них?

— Тут дело, должно быть, не только в большевиках, Хайн. Видно, они хотят жить, как жили, и не желают жить, как хотели бы мы. Я читал их листовки. Конечно, там полно всякой ерунды, но главное, что там написано, правильно. Мы, мол, воюем за свободу родной земли и до тех пор будем воевать, пока не выгоним ко всем чертям последнего немца. А кому не дорога родная земля, сообрази? Вот мы любим Германию. Почему бы русским не любить Россию?

— Н-да,— выдавил Хайн.— Мастер ты соображать.

— Потому что понял в свое время — учителя ни при чем. Надо и самому иметь голову на плечах.

— Не во всякую голову все влезает,— пробубнил Хайн.

— Мне до чертиков смешно,— вытащив тощую пачку сигарет и снова спрятав ее, заговорил Эберт,— когда наши генералы и полковники разоряются насчет верховного главнокомандования. И там у них ошибка, и тут просчет, и там не учли, и тут недомыслили... Ну, словно малые дети, Хайн, ей-богу, словно малые дети. Хотелось бы мне спросить их: господа генералы и полковники, где вы были раньше? Почему только сейчас вы начали валить на фюрера и третье и десятое? Фюрер очень нравился им, когда побеждал, откармливал их на убой и увешивал орденами. И вдруг, когда пришлось жрать конину, разонравился?! Скажу по секрету, Роске и все полковники перестали носить ордена. Оно и дельно. Каждый дурак поймет: чем больше у тебя орденов, тем, значит, больше ты воевал и топил людей в крови. И становись к стенке. Хвали бога, Хайн, что у нас ни орденов, ни знаков отличий.

— А сам сказал, если бы учился, был бы генералом.

— Только не на русском фронте. Только не здесь, Хайн.

— Но ведь и ты кричал «хайль» фюреру, Эберт?

— Все кричали, и я кричал. А ты не кричал? — Хайн кивнул.— Дураки мы, что ли, болтаться на веревке или отдавать свои кости людоедам из гестапо? Все кричали, Хайн, все носили его на руках. И всем придется отвечать.

— Ты только потише,— остановил его Хайн.— Вдруг услышит эта крыса Шмидт!

— А черт с ним! Нет, Хайн, вот попомни мои слова, придется отвечать всем. Русские не дураки. Вы, что, мол, все сплошь были идиотами, превознося фюрера и, словно толпа набитых дураков, по одному его слову, нападая то на одну, то на другую страну? Что он, опиумом вас накачивал? Или ваши генералы не знали, на что шли? Или они не приказывали убивать женщин и детей?

— Ну-ну,— прервал Хайн разглагольствования Эберта.— Не говори вздора. Никто их не убивает.

— Дур-рак ты! — Эберт гневно сплюнул.— Черт знает, чем начинена твоя башка. Уж не мне ли знать? Я веду переговоры не только с полками, но и с зондеркомандами и прочими соединениями, а их дело, олух, одно: резать всех подряд и брать все, что плохо лежит.

— Русские знают об этих командах? — осведомился Хайн.

— Еще бы. Они объявили список военных преступников.

— Неужели им известны все, кто обижал русских? — Хайн затрясся при мысли, что и его имя вписано в тот список и ему придется отвечать за украденного гуся. Он проклинал себя за шалую мысль сделать шефу подарок к Новому году.

— Все до одного,— глубокомысленно сказал Эберт.— Вот такие-то дела, Хайн. Конечно, кое-кому из генералов голов не сносить, попадись они русским. Но у них есть один козырь. Скажут, что мы, мол, действительно были похожи на слепых котят, и во всем виноват фюрер. Нам с тобой так не ответить. Фюрер фюрером, а штыком, скажут, ты работал, и гранаты метал, и дома сжигал...

— Ох, плохо нам будет! — прошептал перепуганный Хайн.

— Тебе-то не так плохо! Командующего они, может быть, и не повесят. Ты держись за него, что бы ни случилось. Ни шагу не отходи, брат Хайн, иначе будет худо. Жить тебе в бараке, кормить вшей. Генералам в бараках не жить. Кроме того, им по конвенции положен вестовой. Уж я-то знаю.

— Спасибо, Эберт,— взволнованно сказал Хайн.— Ты дал мне хороший совет. Ты добрый малый, толстячок! При случае я замолвлю за тебя словечко перед командующим. Возьми пачку сигарет. О господи, и понесло же нас в Россию! — закончил Хайн.

— Да уж! Генералам что, а нам кормить земляных червей или клопов в лучшем случае.

Шмидт вышел из приемной и сердито сказал:

— Что за болтовня? Хайн, позвать к командующему генерала Роске! А ты чего, толстопузый дурак, околачиваешься в коридоре? — накинулся он на Эберта.— Дел нет в штабе? Марш на место!

Когда Хайн, выполнив поручение, вернулся в комнату командующего, Шмидт спросил его:

— О чем ты болтал с этой толстой свиньей, Хайн?

— Да так, разные глупые суждения, господин генерал-лейтенант. Что с нас взять? Два несмышленых гусенка.

Генерал-полковник улыбнулся впервые за весь день.

Пришел генерал Роске, молодой, низкорослый человек, с небритой щетиной на узком лице.

— Займемся делами.— Генерал-полковник подсел к столу.

Часа два они работали, вызывая связных, отдавая приказы, перемещая полки и батальоны, намечая операции на следующий день и планируя будущие.

— Все,— сказал генерал-полковник и положил карандаш на стол.— Вы не нужны мне больше, господа.

— Хайль Гитлер! — скороговоркой пробормотал Роске.

Генерал-полковник не ответил.

Шмидт вышел, решив, что пришла пора отправить предостерегающий донос: нравственность командующего шаткая, психология опасная.

Продолжение следует.

ПРОЩАНИЕ С КАСАБЛАНКОЙ

Пимен ПАНЧЕНКО

Марокканцы нас поили чаем
Сладким, с мятой, крепким, как бальзам,
Двадцать теплоходов у причалов
Собственным не верили глазам.

Порт необозримый касабланский...
Ахали французы и британцы:
«Что тут? Посходил с ума народ?»
Для гостей советских — песни, танцы,
«Тысяча вторая ночь» идет.

Фески, шали, тюбетейки, шапки.
Возглас от души: «Советский друг!..»
Юные танцовщицы-арабки
В нашу честь откинули чадру.

Строгий танец марокканцев люб нам.
Взоры — словно молнии кругом.
Чтобы громче грохотали бубны,
Их в оркестре держат над огнем.

Будь же счастлив, город Касабланка,
Белоснежный город Касабланка!
Танец твой не будет позабыт.
Посреди просторов океанских
Бубен твой в моей груди стучит.

...Ночь прошла. Наш пароход отчалил.
А на рейде в полной тишине
Спят французы, дремлют англичане,
Видя, будто их арабы чаем
Потчуют. Но только лишь во сне.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

СЫНУ

Елена АПРЕСЯН

Беспокойный маленький комочек
Копошится, радуясь, дыша.
Он на ножки встать упрямо хочет,
Чтобы сделать в жизни первый
шаг.

Первый шаг...
А после много, много
Новых удивительных шагов
В мир, сынок,
куда тебя дорога
Уведет от тихих берегов.

Но сначала —
так всегда бывает —
Тропку детства своего найдешь
И по ней,
мечтая,
познавая,
Первооткрывателем пройдешь.

И когда
распахнутая настежь
Жизнь тебе откроется, сынок,
Правильно свою дорогу
к счастью
Ты из многих выберешь дорог.

Кем бы ты ни стал,
пусть будут чисты
Помыслы твои,
твои дела,
Добрым будет пусть
и бескорыстным
Сердце то,
что я тебе дала!

Многочисленные журналы «Башня стражи» и «Информатор», книги Рутерфорда и других американских «идеологов» секты «свидетелей Иеговы» обнаружены в Караганде и Джезказгане. На этих машинках тайком размножалась сектантская литература.

В секте «свидетелей Иеговы» применялись тайники вроде этих. Здесь же вы видите оборудование подземного бункера.

КОНЕЦ ПРИСТАНИЩА ИЕГОВЫ

«Я НЕ УЗНАЮ ТЕБЯ, СЫНОК...»

Морозным январским утром в квартире Пелагеи Прокофьевны Мовчан раздался звонок. Она открыла дверь — на пороге стоял Михаил.

— Без предупреждения... Вот радость! — Мать кинулась обнимать сына, но тот отстранился.

Пелагею Прокофьевну поразила странная отчужденность гостя. Удивило ее и то, что за праздничным столом сын не принял рюмку вина.

— Ты что ж, за встречу не хочешь выпить? — спросила Пелагея Прокофьевна.

— Я приехал сюда не пировать, а по делу,— жестко отрезал Михаил.

Он достал из кармана библию и, многозначительно подняв палец, заговорил нараспев:

— С тех пор, как сатана был низвергнут богом Иеговой на землю, минуло много лет. Теперь наступили последние дни перед армагеддоном. Это священная война. В ней погибнет все человечество, кроме нас, свидетелей Иеговы.

До сих пор в доме Мовчанов никто не говорил о боге: отец Михаила был коммунистом, офицером Советской Армии, погиб на фронте. Пелагея Прокофьевна тоже не была верующей. Мать вспомнила, как Михаил приезжал в отпуск из армии. Девушки на улицах заглядывались на ладного сержанта. Он рассказывал о товарищах по службе, радовался тому, что его избрали секретарем комсомольской организации. Потом Мовчан демобилизовался, вернулся в Джезказган, где работал на руднике машинистом экскаватора. С тех пор мать с сыном не виделись. Изредка сюда, в Еманжелинск, приходили от него письма. И вот встреча...

— Какая же твоя вера? — осторожно спросила Пелагея Прокофьевна. Она с тревогой слушала рассуждения Михаила о «великом» учении бога Иеговы, о чудесном спасении и вечном блаженстве в грядущем царстве божьем верных слуг и последователей Иеговы. Тихо и горько мать произнесла:

— Я не узнаю тебя, сынок...

Не знала Пелагея Прокофьевна, что ее сына исподволь, незамет-

УЧИТЕЛЬ ПУ

К. Н. Батюшков. К 175-летию со дня рождения.

Лев ОЗЕРОВ

Батюшков был старше Пушкина всего на двенадцать лет. Вместе с тем Константина Николаевича давно и с полным правом называют среди трех-четырех ближайших предшественников и учителей великого поэта. «Что за чудотворец этот Батюшков!» — с восторгом писал Пушкин. «Прелесть», «живо, прекрасно»,— отмечал Александр Сергеевич на полях «Опытов» Батюшкова. Но мы погрешили бы против истины, если б утаили от читателей другие энергичные восклицания Пушкина: «слабо», «лишний стих», «темно» и другие, подобные этим. По всему видно, что ученик не слепо копировал учителя, а хорошо разбирался в сильных и слабых сторонах творчества Батюшкова. Одного этого — быть учителем Пушкина — достаточно, чтобы завоевать любовь и признательность новых и новых поколений поклонников русской литературы. Но у Константина Николаевича Батюшкова перед отечественной поэзией первостепенные заслуги, и пройти равнодушно мимо них нельзя. Нельзя, если есть у читателя желание хорошо узнать и оценить все богатство русской поэтической культуры, если всерьез изучать историю ее становления. Многие произведения Батюшкова сохраняют для нас большой историко-литературный интерес. С годами, с десятилетиями становится все более очевидным, что без учета вклада Батюшкова в русскую классику не понять ее истоков, ее поступательного развития. Прикоснувшись к этому источнику, современный читатель стиха вместе с тем поймет, что батюшковская муза до наших дней сохраняет свою живую прелесть.

Даже человеку, хорошо знающему мифологию, при чтении такого поэта, как Батюшков, трудно за именами Киприды, Эрота, Марса, Беллоны разглядеть истинный смысл и содержание военной или любовной лирики его. Однако мифология, которая была в почете у классиков допушкинской и пушкинской поры, не должна заслонять нашим читателям душу поэта, ее порывы, ее напряженную жизнь. Попробуйте без знания мифологии понять такую значительную вещь, как «Видение на брегах Леты»! Но сбросьте скорлупу забытых или полузабытых наименований — и вы найдете теплое ядрышко жизни. С виду стих Батюшкова монолитно-мраморный, торжественный, величавый. Но вглядитесь в мир поэта. И вы увидите, что на мраморе проступают не увиденные вами с первого взгляда молниевидные трещины. Эти трещины прошли не только по поверхности, нет, они прошли по сердцу поэта. Как бы ни драпировался стих Батюшкова под античность или Возрождение, каковы бы ни были условности, одолевавшие поэта, природа и человек — вот истинные соучастники и действующие лица его творческой думы.

Жизнь Батюшкова была богата событиями. Это частые переезды (Россия, Франция, Германия, Польша, Италия). Это участие в боях и походах Отечественной войны 1812 года. Это служба — военная, гражданская, дипломатическая. Это знакомство и сотрудничество с видными писателями, художниками, общественными деятелями. Это работа над стихами, прозой, переводами из античных, французских, немецких, итальянских, английских авторов.

Свыше тридцати последних лет, по сути дела, все годы зрелости и старости, Батюшкова терзала тяжелая душевная болезнь. Свыше трех десятилетий он чувствует себя в «одиночной камере безумия». Не вдаваясь в подробности, скажем, что болезнь Батюшкова носила характер, давший Белинскому право утверждать, что «превосходный талант этот был задушен временем». Пушкин призывал уважать «в нем несчастия и не созревшие надежды». В творчестве самого Батюшкова излюбленными являются образы «несчастных счастливцев», с одной стороны, и

но втянули в нелегальную секту «свидетелей Иеговы». Михаил не смог разобраться, что деяниями этой секты управляет не вымышленный Иегова, а вполне реальный мистер Кнорр и другие американские господа из предместья Нью-Йорка — Бруклина. Они засылают в нашу страну «божественные» журналы, вроде «Башни стражи». С помощью этих журналов иеговисты склоняют на свою сторону неустойчивых людей, отрывают их от нашей жизни, сеют вражду между народами. Сектантские главари из-за океана требуют, чтобы «свидетели Иеговы» не подчинялись советским законам, не вступали в профсоюз и комсомол, отказывались от службы в армии. Даже посещение кино или клуба считается грехом.

Мовчан вел двойную жизнь. Днем он управлял экскаватором, вместе с молодым инженером Геннадием Петрухановым работал над рационализаторскими предложениями. А вечерами посещал «студии» — тайные сборища иеговистов. Целый год его готовили к торжественному дню. И вот в августе 1958 года на пустынный берег реки Джезды тайком пришли руководители секты. Иван Рошка совершил обряд крещения над Михаилом. Погружение в воду должно было означать смерть собственной воли Мовчана, а выход из воды — начало жизни, в которой будет исполняться только воля Иеговы. Михаил теперь и впрямь не принадлежал себе. Первое, чему его учили, были правила конспирации. Михаил постепенно постигал и тайны вербовки новых членов секты. Ориентироваться советовали на отсталых, малокультурных людей. Да он и сам знал, что в карагандинской секте, кроме него, не было человека с семилетним образованием.

...Почти сразу после возвращения Михаила из Еманжелинска в Джезказган к нему зашел Федор Штиф — один из руководителей группы.

— Не возьмешься ли вести наш кружок? — спросил он.

В это время Мовчан получил письмо от младшего брата Ивана, который служил в армии. «Мама сообщила, что ты связался с иеговистами. Поверь — грязные это люди. Я знаю, что тебе трудно вернуться в прошлую жизнь. Но подумай, отец наш был коммунист и жизнь отдал за то, чтобы мы жили по-коммунистически. Возьмись за ум. Иначе разойдутся наши пути».

Но не захотел Мовчан прислушаться к советам брата. Не захотел, хотя сектанты испортили ему жизнь. Способный, энергичный тридцатилетний парень мечтал когда-то поступить в техникум, а вынужден был служить Иегове. Зато другие члены карагандинской секты поступили иначе.

СЛЕДЫ ВЕДУТ В НЬЮ-ЙОРК

В апреле 1959 года шлифовщик автобазы № 2 рудника «Джезказган» Федор Штиф уезжал в отпуск. Перед этим он встретился с сектантским руководителем Григорием Гроголем:

— Собирайся, брат, снова в путь, на станцию Китой, Иркутской области. Отчет надо доставить да и прихватить у них кое-что для нас.

В тот же вечер Федор получил из сектантской кассы на дорожные расходы 1 000 рублей и через день тронулся в путь.

В Китое на перроне к Федору подошел мужчина лет сорока и вежливо поинтересовался, далеко ли он следует. Штиф ответил стихом из библии: «И так смиритесь под крепкую руку божью». Незнакомец привел его в небольшой дом на окраине поселка и там принял отчеты — маленькие разграфленные листки, испещренные цифрами. По специальному коду каждая графа обозначала: состав кружков, количество распространенной литературы, суммы взносов и т. д. Встречавший передал Федору несколько журналов «Башня стражи».

— Нам бы побольше литературы,— попросил Штиф.

— Теперь сами будете печатать,— ответил незнакомец.— Возьмешь с собой машинку «Континенталь».

На следующее утро Федор поспешил на вокзал, смешался с толпой пассажиров. В одной руке он нес перевязанный ремнем чемодан с пишущей машинкой, в другой — хозяйственную сумку, в которой была спрятана реакционная сектантская литература.

Выслушав отчет связного, Гроголь задумался:

— Придется, брат Федор, у тебя обосноваться. Дом твой отдельный, на окраине. Пожалуй, Владимира Фишера на помощь позовем.

Поздним вечером трое мужчин с лопатами и ломом прошли в сарай, примыкавший к дому Штифа. В левом углу подняли доски пола и начали копать. Землю выносили во двор, разравнивали. Под утро прикрыли вырытую яму досками. Работа продолжалась ночами, в строгой тайне, почти две недели. Чтобы создать у соседей впечатление, будто в доме идет ремонт, Фишер, работавший шофером, привез во двор самосвал земли. Вырытую яму забетонировали. Получился квадратный бункер, глубиной полтора метра, такой же длины и ширины. Вниз вела крутая лестница. Сверху люк прикрывался массивной крышкой. Федор провел сюда электричество. На случай, если ток почему-либо выключат, был приготовлен аккумулятор. «Служители бога Иеговы» предусмотрели все, вплоть до вентилятора. Вскоре Федор привез и вторую машинку. Так организовался центр по размножению иеговистской литературы, где перепечатывались статьи из «Башни стражи», а потом руководители кружков раздавали их членам секты.

БЕЗ МАСКИ

Но строжайшая конспирация не спасла карагандинских «свидетелей Иеговы» от краха. Федор Штиф нашел в себе силы разорвать паутину мракобесия.

— Даже страшно делается, когда вспоминаешь, какие люди тебя окружали,— признается Федор.

В самом деле, кто они, «свидетели Иеговы»?

Вот Ю. Савчук. В разгар Отечественной войны, когда его сверстники защищали Родину, он уклонился от призыва в армию, долго прятался. Зато в октябре 1944 года Савчук вступил в банду украинских националистов, сражавшуюся против наших войск. Части Советской Армии разгромили банду. Савчук был задержан с оружием. Осужден. Выйдя из заключения, он стал усердно служить Иегове, возглавил один из кружков. Своим слушателям он охотно разъяснял «труды» идеолога иеговистов Рутерфорда, статьи из «Башни стражи». Привлекался к ответственности за участие в вооруженной борьбе против частей Советской Армии и Гроголь. Равлюк, Гечу, Фишер, Герман и другие сектанты отбывали наказание за уголовные преступления. Вот на кого опираются руководители секты — служители Иеговы!

— Я порываю всякую связь с нелегальной сектой «свидетелей Иеговы»,— говорит Федор Штиф.

Фото Н. Сюлина.

Советская Конституция гарантирует всем гражданам свободу совести и вероисповедания. Но наше общество не может мириться с тем, чтобы под прикрытием религии осуществлялась антисоветская деятельность. Вот почему карагандинские «свидетели Иеговы» предстали перед судом.

...Жизнь нельзя остановить. Рвется липкая паутина сектантского подполья. Люди избавляются от наследия темного прошлого, становятся на верный путь. И среди них — Федор Штиф.

Александр ОСИПОВ

Карагандинская область.

Ш К И Н А

«убийц дарования» — с другой, образы поэтов-мучеников и их мучителей.

Батюшков называл себя простым ратником. Да, это был ратник, солдат войны, но не такой уж простой, как он сам утверждал. Это был смелый, интеллектуальный поэт-воин, ратник с широким культурно-историческим кругозором. Он участвовал в походах, вел жаркие споры на биваках с друзьями, мечтал о будущем. Он бывал под пулями и трясся в седле по трудным военным дорогам. Он был в ряду и в авангарде тех русских воинов, которых полными восторга и надежды взглядами провожали на войну юноши лицеисты (и среди них, разумеется, Пушкин).

Вот Батюшков с русскими войсками в Париже. Офицер Батюшков посещает французский театр, Академию наук, замок маркизы дю Шатле, где чувствует себя «в гостях у Вольтера». Отсюда пишет он письмо Дашкову, кончающееся словами: «Сказали поход — вдали слышны выстрелы. Простите!»

Привел я эти слова из письма Батюшкова полуторасталетней давности, и передо мной возник живой поэт, сильный, смелый, порывистый, любознательный, глубокий. И опять передо мной рядом с Батюшковым возник Пушкин. Близость двух поэтов продиктована не только и не столько близостью словесных рядов, пленительного стихового строя начальной русской классики, а стоящими за ними характерами и человеческими судьбами.

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,

От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Кто это? Под этими стихами могут подписаться многие наши классики. Да, они поздней будут оглядываться на эти строки. Но написал их все же Батюшков. Недаром же знатоки поэзии принимали знаменитые батюшковские строки:

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной,—

за пушкинские. Верно, близость поразительная!

До наших дней такие шедевры Батюшкова, как «Тень друга», «Переход через Рейн», «К Никите», «К другу» и некоторые другие, заодно с прозаическими отрывками, статьями, письмами остаются нашим живым наследством.

В моем архиве хранится схема родословного древа Батюшковых — от восьмого до шестнадцатого колена. В одиннадцатом колене значится имя поэта, в последних — имена его ныне здравствующих потомков. Один из них, Юрий Батюшков, посвятил памяти прадеда стихи и прислал к 175-летию со дня его рождения:

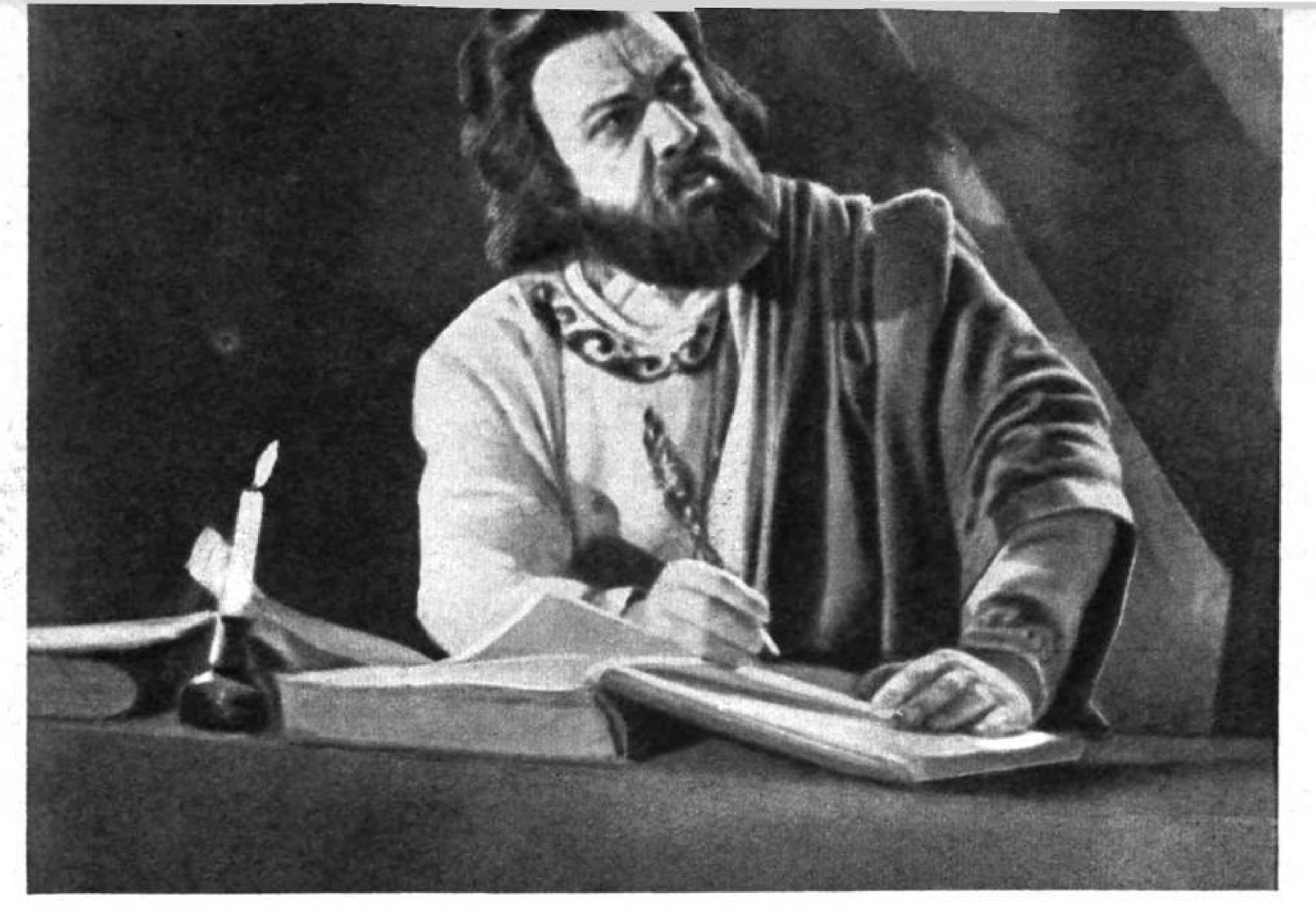
Когда ты был поэтом юным, полным сил,
В минуту грусти эпитафию сложил:
«Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто: здесь он был — и нет его!»
Но сам свое ты имя начертал в веках,
Живому слову всенародный дал размах,
И засверкал, как самоцветы, русский стих,
И голос жизни в рифмах зазвучал твоих.
Ты первый смог законом виршей пренебречь
И научил любить родную нашу речь.
С тех пор, как ты угас, прошло немало лет,
Но мы, потомки, помним вечный твой завет:
Все в творчестве свое, родное создавать,
Брать от народа и — народу отдавать.

КНИГА О МАСТЕРЕ

Книга хорошо названа, красиво издана, а главное, интересна. Написанная с любовью к творчеству Леонида Леонова, подлинного поэта в русской прозе, книга Ф. Власова «Поэзия жизни», выпущенная издательством «Советская Россия», заинтересует всякого.

Ценны в ней неизвестные, впервые публикуемые письма и документы, архивные материалы, проливающие свет на раннее творчество, на истоки леоновского миропонимания. Обстоятельный анализ произведений Леонова «Русский лес», «Взятие Великошумска», стремление раскрыть в полюбившихся характерах новые грани, новые исторические черты и связи, несомненно, интересны в книге «Поэзия жизни». Всей своей работой Ф. Власов показал, что философско-эстетические основы творчества Леонова позволили ему, так же как Алексею Толстому и Михаилу Шолохову, внести неоценимый вклад в изображение русского национального характера и русской нации как передовой социалистической нации.

И. ДЕНИСОВА



Ваграм Папазян в роли Месропа Маштоца.

Ваграм ПАПАЗЯН,
народный артист СССР

Моя новая роль

Месроп Маштоц... На меня накидывают белоснежный хитон с простым и строгим орнаментом по вырезу у горла. Темные, густые, длинные волосы отброшены назад; взгляд выражает пытливое внимание... Ну, что ж, кажется, все выглядит так, как надо. Я немного успокаиваюсь, отступаю от зеркала и вновь еще более пристально смотрю на себя издали, чтобы хорошенько оценить по достоинству детали костюма и внешность — весь облик человека, жившего на земле 1600 лет назад.

Говорят, что пока идут репетиции на Ереванской телестудии, где готовится постановка, посвященная славному ученому и мыслителю Армении, мне удалось стать вполне похожим на своего героя. Признаться, я буду очень рад, если это так. Но ведь проверить это, увы, невозможно! Вероятнее всего, я добился внешнего сходства с изображением Месропа Маштоца на картинах армянских художников.

Одну из этих картин вы можете увидеть у входа в усыпальницу великого просветителя.

Похоронен Месроп Маштоц в небольшом армянском селении Ошакан; прах его покоится глубоко в земле, под глухими, почерневшими от бурь и непогоды сводами древнего монастыря, до сих пор на удивление прочными. Здесь прохладно, тихо, только пронзительный крик ласточек, гоняющихся друг за другом, нарушает эту вековую тишину.

Месроп нарисован на фоне разверзшегося неба, с очами, благоговейно устремленными ввысь; он внимает гласу невидимого ангела; рука ученого выводит на свитке первые буквы армянского алфавита.

Много раз я глядел на эту картину, восхищаясь ее силой и выразительностью. Изображению придано лишь внешнее подобие иконы: художник показал, что мыслитель потрясен своим земным открытием. Настоящий экстаз написан на его лице, но этот экстаз, волнение рождены творчеством, глубокой внутренней работой, созиданием...

Насмотревшись на прекрасный, вдохновенный лик Месропа Маштоца, вы спускаетесь на несколько ступенек вниз и видите скромное, но выразительное надгробие. На большой базальтовой доске вырезаны все 36 букв армянского алфавита, оставленного народу мудрым просветителем... А теперь спустимся еще ниже; тут, в крохотном склепе, и находится могила Месропа Маштоца.

Служка, с такой же окладистой бородой, какую носил Месроп Маштоц, бесшумно ступая, принесет восковую свечу и, приправив мерцающий огонек у мраморного изголовья, позволит вам постоять здесь и подумать о необыкновенной судьбе человека, отказавшегося ради народного блага от личного счастья, от всех развлечений и радостей мирской жизни.

Народ ответил этому человеку великой любовью. Назвав Месропа Маштоца святым, он сберег его имя, его дела от забвения.

Для меня в моем герое нет «святости». Легендарный облик проповедника наполняется живой жизнью, мыслями и страстями блестящего царедворца, сумевшего покинуть двор и найти чистые радости в окружении любимых учеников, разделявших взгляды Месропа Маштоца на народное просвещение, на национальную независимость.

Так я постигаю своего героя.

НАУКА И ТЕХНИКА МИРА

ЗЕРКАЛО МОЖЕТ ОШИБАТЬСЯ

Только в сказках зеркало могло говорить неправду. Так считалось исстари вплоть до последних дней. Но вот после появления источника света огромной энергии — лазера — ученые направили его луч на зеркало. И вдруг зеркало ошиблось: красный луч отразился зеленым...

Объяснение этому явлению простое. В отражающем слое зеркала его атомы оказались не в состоянии точно повторить сверхмощные световые колебания. Они искажали спектр света, подобно тому как динамик радиоприемника, включенного на максимальную громкость, портит чистоту звука. А в результате искажения менялась длина световых волн, иначе говоря, цвет отраженного луча света.

АТМОСФЕРА — УСИЛИТЕЛЬ

Непрерывно из космоса на Землю приходят радиоволны широкого спектра частот. Они несут в себе важную информацию о далеких звездных мирах. Чтобы прочесть эту информацию, ученые строят гигантские антенны и радиотелескопы, которые концентрируют и усиливают радиоволны нужной длины.

Украинскими учеными А. Усиковым и И. Блнохом доказана еще одна возможность улавливания радиоволн — используя атмосферу нашей планеты. Верхние слои атмосферы преломляют путь радиоволн, словно оптическая фокусирующая лупа. Ученые показали, что при благоприятных условиях атмосфера Земли может являться своего рода усилителем радиоволн.

РАЗВЕДЧИКИ НЕДР — ПЧЕЛЫ

Несколько тысяч цветков должна посетить пчела, чтобы образовать один грамм меда. А вся семья летных пчел одного улья берет под свою опеку до сорока квадратных километров.

На одной из пасек Южного Урала ученые Б. Макарочкин и Д. Юденич проделали следующий опыт. Выбрав из улья мед, они сделали его химический анализ. Неожиданно в составе меда оказались медь, молибден, титан — как раз те элементы, которые геологи нашли на подвластной пчелам территории в близлежащих горных породах. Этот опыт окончательно удостоверяет, что пчелы могут быть использованы для разведки полезных ископаемых.

СЕРДЦЕ В СНЕГУ

При операциях на сердце врачи широко применяют аппараты искусственного сердца, сохраняющие нормальный режим кровообращения. Дополнительно к этому польский профессор Виктор Бросс подвергает кровь больного охлаждению до 29 градусов. Само же сердце охлаждается еще больше. Обкладывая его физиологическим снегом, врачи доводят температуру сердца до 15 градусов Цельсия, пока оно не впадает в «спячку».

Сочетание сильного охлаждения сердца больного и умеренного охлаждения его тела открывает новые возможности в хирургии операций на сердце. В клинике, которую возглавляет профессор Бросс, успешно проведено около тысячи операций на сердце.

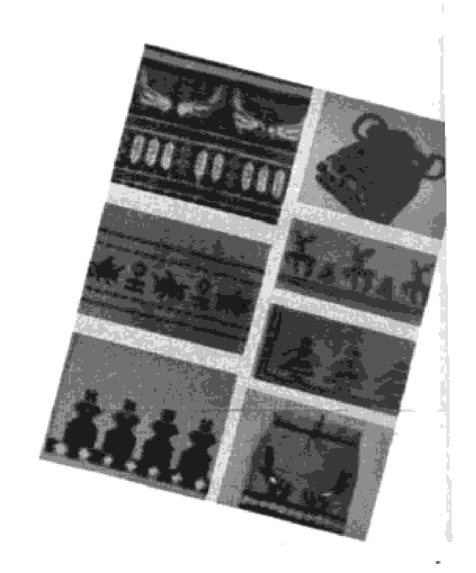
Э. Выржиковский (Ленинград). НАЧАЛО МАЯ.

М. Григорян (Ереван).

ОСЕНЬ.

«Огонек»

ВЫШИВКА
ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ



А. ЖУКОВА

СМОЛЕНСКОЕ ПОЛОТЕНЦЕ

Когда в хате развернули старое, во многих местах уже порванное полотенце, я была ослеплена его великолепием. Это был смоленский «набожник» — полотенце, которое вешали в красном углу на икону, и оно горело алыми нитками, как букет маков, брошенный на беленый холст. Стояло жаркое лето. Свободное время у меня было, и, не долго думая, я решила повторить старинное полотенце на новом холсте, спасти его от окончательного разрушения. Месяц с утра до ночи вышивала. И за этот месяц, когда под руками воскресал орнамент, переживший века, я вполне оценила его великолепную композицию, четкий ритм, величавое течение и хрупкую законченность, напоминавшую по сложности рисунок снежинки или листа папоротника.

Полотенце начиналось прозрачными кружевами простого рисунка. Так ствол дерева разбивается на ветви, а потом на тоненькие веточки и пронизанную воздухом листву. Так на огромное здание ставят хрупкую балюстраду или сквозную ротонду. За белыми кружевами шел кусок кумача, вышитый крестом черными и белыми нитками. И, наконец, на белом холсте рядами тянулись красные полосочки узора и большие ромбы — знаменитая смоленская ромбанка, дошедшая к нам со времен язычества, когда люди поклонялись солнцу и изображали его кружком или условно квадратом и ромбом. А на самом верху красная строчка, вышитая двусторонним швом, который в смоленских деревнях называется вышивкой на «обаи боки». Этой строкой мощные полосы красных ромбов как бы растворялись в льняном беленом холсте... Композиция полотенца была бесспорна, как математическая формула, как первоклассная архитектура.

Иногда красота узора производила на меня особенно колдовское впечатление. Думалось: что такое гений одного человека перед одаренностью народа? Ведь только пройдя через руки десятков и сотен творцов, композиция приобретает законченность: все лишнее, все случайное отбрасывали поколения талантливых вышивальщиц, из которых почти каждая что-то изменяла, придумывала, добавляла. Я повторила полотенце точно — для меня оно было предметом старины, достойным восхищения и изучения, но имеющим уже только музейную ценность. А для моей тетки это полотенце было необходимейшим предметом убранства хаты; оно было овеяно поэзией долгих зимних посиделок с песнями, сказками, задушевными разговорами. Тетка вышила полотенце, стирала его к праздникам, полотенце жило полноценной жизнью нужной и красивой вещи, потом стало старым, покрылось дырами и умерло. Я вышила полотенце, положила его в шкаф, и мне делать с ним нечего — разве только раз в два-три года показывать друзьям. Я даже ни разу не выстирала это полотенце. Вышивка, бывшая живой в руках моей тетки, в моих руках стала мертвой. Нарушилась преемственность поколений, живших одной и той же жизнью, — так резко изменился быт, жизнь, мировоззрение, что старым вещам в новой жизни места нет. Что же делать, однако, с гениальными узорами — бесценным, очень нужным нам творческим наследством, заключенном в старых, совсем уже не нужных нам вещах? Что же вышивать нашим женщинам, если мы не вешаем икон, почти не носим вышитых кофт и рубашек, не расшиваем белых валенок красной шерстью, не украшаем вышивкой головных платков? Что же вышивают наши девочки, девушки, женщины — наследницы несметных древних богатств, завещанных им длиннокосыми вышивальщицами?

БЕЗРОДНЫЕ РОЗЫ

На прилавках галантерейных магазинов разноцветной грудой лежит мулине удивительных расцветок. Поклонницы суровой красно-бело-черной гаммы, смоленские, уже седые теперь вышивальщицы, с презрением говорят о тех, кто вышивает «разными цветами». Их эти цветные нитки обрадовали бы мало. Но были у нас области, где, как, например, в Рязани, любили многоцветную, веселую, праздничную вышивку, где в полотенцах несколько рядов кружев перемежали цветными, блестящими лентами. То-то загляделись бы веселые рязанские девушки на многоцветье современных ниток, то-то расшили бы они ими кофты, полотенца, рубашки, платки, то-то напридумали бы новых ярких узоров! Но этого не происходит. В Рязани, в Смоленске, в Москве, как и во многих городах и деревнях России, вместе со старым укладом жизни и старой одеждой вытеснена старая вышивка. Почти вытеснен и старый узор. Зато здесь вышивают «картины».

Волшебным многоцветьем современных радостных ниток вышивают огромные «роскошные» розы, собак, делающих стойку над дичью, исполинских петухов. А те, кто похрабрее, берутся за целые композиции: они вышивают тщательно разбитую на крестики «Боярыню Морозову», едущую по белому снегу в ссылку, или Ивана Грозного, убивающего своего сына. Рисунки для этих вышитых крестиком картин предупредительно напечатаны прямо на ткани и продаются по всей стране — бери нитки и вышивай. Это бессмысленная, отупляющая работа: на красном квадратике вышивать красный крестик, на синем — синий, на белом — белый...

Как свободно вышивали в старину! Вышивальщица, казалось бы, скованная традиционным узором, на самом деле обращалась с ним очень смело и свободно: она изменяла композицию, выбрасывала то, что ей было не по душе, дорабатывала несовершенный орнамент. На полотенце моей тетки меня поразила одна деталь — среди суровых древних ромбов была вышита веселая маленькая звездочка-цветочек. Вышила ли она ее, увидев у кого-то, придумала ли сама, во всяком случае, звездочка эта возникла. Вышивальщица думала, когда вышивала полотенце, и маленькая звездочка — след этих раздумий.

А о чем можно думать, вышивая огромные, пышные, безобразные розы? О том, чтобы вышить их аккуратно? Да, об этом можно думать. О гармонии цвета? В какой-то мере можно думать и об этом. И еще, к сожалению, можно думать так: «Какие красивые эти розы! Я окончу их, покрою стеклом с золотой рамкой и повешу на стену. Или сделаю на диван новую подушку. Где бы эти розы ни были — все будет красиво!» Нет! Где бы эти розы ни были — все будет некрасиво! Потому что эти розы безродны: они не в родстве ни с вашей мебелью, ни с вашей одеждой, ни с культурой вашей страны. Они эрзац, дешевая подделка под радость, под вышивку, под искусство.

Искусство — сложная вещь. Вам не могут продать, например, лжемясорубку или лжешвейную машинку. Если мясорубка рубит, а машинка шьет, то все в порядке. Если они не работают, — этого скрыть нельзя. Но лжекрасоту, подделку под красоту, продать можно. И этим занимаются наши торговые предприятия, расстилая перед покупателями куски ткани с рисунками для вышивок-картин. Авторы этих рисунков не подозревают об огромном национальном наследстве, оставленном нам многомиллионной армией вышивальщиц. Они не подозревают о красоте рисунка для вышивки, сложной и тонкой, как красота музыки и архитектуры. Они не знают, что каждое искусство владеет своим особым условным языком и что нельзя картину, написанную масляными красками, уменьшать в размерах, разбивать на квадратики, вышивать нитками по ткани и потом, садясь на диван, подкладывать себе под бок вышитое изображение Ивана Грозного, убивающего своего сына...

Люди, создающие эти рисунки для вышивки, творят так, как будто вышивание только что появилось на свете... Вышивка — искусство древнейшее. Но его традиции благодаря резкому изменению жизненного уклада должны быть так же резко и смело пересмотрены, как резко и смело изменилась жизнь.

ЧЕЛЯБИНСКИЕ ГАЛКИ

Галка сидела на заборе, и девочка впервые разглядела, какой у нее круглый глаз, сильный клюв, цепкие ноги, какая она вообще занятная, немножко даже страшная и все-таки смешная. Как умела, девочка зарисовала галку и потом стала думать, как изменить рисунок для вышивки, каким из народных швов интереснее всего вышить галку. Девочка из Челябинска привыкла превращать живые зарисовки в условные рисунки для вышивания, в ритмические композиции и узоры. Галку оказалось интереснее всего вплести в кружева. Прошло немного времени, и галка с забора, черная, взъерошенная и злая, переселилась на кружево для полотенца. Полотенце приехало в Москву — на Всесоюзную выставку детского изобразительного творчества. Здесь-то я его и увидела.

Из года в год оргкомитет детских всесоюзных выставок с тоской взирал на вышитые болгарским крестом розы, на тщательно вышитые гладью картины, где терпеливые детские руки сделали, наверное, миллион стежков, и все без толку.

Приводило просто в отчаяние количество напрасно затраченного детского труда. На выставку скрепя сердце принимали только копии народных вышивок, сделанных так же нетворчески, как когда-то я скопировала свое смоленское полотенце. И вдруг в этом году от вышивок на нас дохнуло свежее дыхание детского забавного и смелого творчества.

Скучная и мертвая вышивка вдруг встряхнулась, соприкоснулась с жизнью и сама ожила. Это прислали работы челябинские Дома пионеров, где кружками вышивки руководят преподаватели Т. В. Чернова и Н. М. Чуракова. Метод работы их очень прост: дети рисуют с натуры елочки, белок, галок, грибы, цветы, веточки, желуди — словом, все, что им понравится, изучают народную вышивку, пытаются понять ее закономерности и на основе этого изучения и своих живых наблюдений создают для вышивки собственные рисунки.

Девочка надевает юбочку, подол которой елочками и белками расшила она сама, натягивает на голову такую же шапочку и перебрасывает через плечо конец шарфа с белками. Так когда-то и в старину маленькая русская вышивальщица с гордостью носила вышитую своими руками белую пышную кофту... Девочка берет с собой в школу завтрак в изящном мешочке, на котором рисунок грибов и желудей придумала и вышила она сама. Вышивка, идущая от жизни, входит в жизнь. Она не висит на стенке в золотой рамке. Она носится, стирается, рвется, тускнеет, ее жалеют и обращаются с ней осторожно, но она все-таки рано или поздно умирает. Но умирает, потому что она жила.

На меня опыт челябинских учительниц произвел большое впечатление.

Челябинская вышивка живая. Она связана с двумя мощнейшими истоками всякого творчества: с национальной традицией и с живой жизнью. Глядя на челябинские вышивки, легко представить себе, как наши женщины могут украсить свои шерстяные юбки вышивкой, сделанной грубым большим крестом, сделать на простом рабочем парусиновом фартуке яркую аппликацию, расшить маленькие детские белые валеночки смешным и неожиданным узором...

С каждым годом радость все больше входит в нашу жизнь. Мы учимся одеваться красиво. Одежда становится все более нарядной. Все уместнее видеть на ней украшения и вышивку. Все ярче и одновременно проще становится наша обстановка. И среди строгой полированной мебели занавески с яркой аппликацией или красочно вышитое панно будут так же привлекать внимание, станут таким же «событием для глаза», каким был красный угол, увешанный яркими вышитыми полотенцами в старой русской избе.

Вышивка будет вечно жива, если женщины, держащие в руке иголку с цветной ниткой, будут обращаться за вдохновением к безбрежному морю национальных узоров и орнаментальных композиций и еще более безбрежному морю красок, форм, движений и ритмов, которыми нас ежедневно, ежечасно, ежеминутно дарит сама жизнь.

ТРУДНОЕ ПОЛЕ

Николай БЫКОВ

Фото А. Гостева.

Евгений Евдокимович Шелудяков, председатель колхоза имени Жданова.

1

— Я тебе чего скажу? Мы здесь, конечно, не замечаем этого, ну, природы, что ли... А был я молодой, как вот примерно ты,— да нет, еще моложе — и работал в Тамбове. А жена моя, только тогда еще, конечно, невеста, жила здесь, в Ляде. Я это все к чему? Надумал я как-то к ней поехать, дело-то молодое. Да... Добрался поездом до Рады, станция такая, а от нее пешком. Иду — и боже ж ты мой! Воля, воля-то какая! Каждый кусток, травинка каждая не просто живет, а дышит... С неба жаворонки так и сыплют песнями. Под ногами перепелки и прочая штуковина... И все это живое, яркое, звонкое!

...Виктор Васильевич, грузный, изрядно поседевший, неожиданно по-молодому засмеялся, и теперь уже нетрудно было представить его, смеющегося, молодым, тогдашним, шагающим по июньскому разнотравью на своих двоих — без помощи этих вот громоздких, потемневших за двадцать лет костылей.

Мы сидим на просохшем крутобоком бугре, пахнущем молодой крапивой. Перед нами старый сад. Лица обжигает солнце. После осточертевших дождей, взявших землю в полон на целых две недели, это первый погожий день. Яблони почти отцвели. Между теплыми морщинистыми стволами снуют озабоченные пчелы. Ветерок нехотя выметает из сада осыпавшиеся лепестки. Далеко летят они над грязью раскисших дорог. Конец весне.

— Вот я и говорю,— продолжает Виктор Васильевич,— мы этой извечной красы не замечаем, а ведь она есть, вот она! Отчего так?.. Потому что трудное у нас, кто на земле работает, дело. Очень трудное, так сказать, поле нашей деятельности. Вот это поле — размокшее, парующее, на котором хвощи да осот стараются одолеть и ограбить молодые бобы. Проза будней. Почитай, до середины мая не было дождя. В сухую землю зерно легло... А потом дождичек прыснул. Только отлегло от сердца, а уж новая тревога в душу заползает: неделю дожди идут. Ну, хватит тебе лить, думаю, а его, небушко, как прорвало!.. Поля прибило, сев остановился, автомашины тоже стали, скотина промокла и надрогла так, что молоко упало... Вот тебе и распрекрасный месяц май!.. Уж и акация отцвела, а кукуруза все не сеяна...

За дорогой старые ветлы. Причудливо изогнулись над озерцом, поросшим у пологих берегов светлой осокой. И там, в прибрежных кустах, вдруг засвистал молодецким посвистом соловей. Неожиданно, оглушительно, торжествующе!

Не хотелось вставать, уходить, уезжать от этого места. Мы молчали. Я вглядывался в уставшего директора совхоза. Казалось, он только сегодня, впервые за многие-многие весны с той самой, когда шел лугами беззаботным городским парнем, глянул как бы со стороны на незаметно постаревшие яблони, на обитую дождями акацию, на тихую воду одичавшего пруда и толчею стрекоз на солнцепеке, на робко распускающийся молодой дубняк... Любил ли он все это? Любил. И, верно, очень любил, раз только что задохнулся от радости, заслышав невидимого соловья, с дерзостью напомнившего о себе, о всей этой благодати, рядом с которой уживаются — да еще как! — его не всегда радостные заботы. Из-за них и не замечал он, Виктор Васильевич Меньшов, директор Ново-Лядинского совхоза, сегодняшнего праздника русской природы...

Провяла под ветром земля, и мы двинулись по полям. «Как, чего там?» — спешил директор.

Мы вместе порадовались гороху — светло-зеленые стежки убегали к далекому чистому горизонту. Сюда же вскоре пришел и звеньевой механизаторов Николай Трофимов. Это его горох, точнее, его звена. Николай, которому с утра надо быть на картофелище, смущенно поясняет:

— После дождей груда работы. А на горох нет-нет да и забежишь. Вроде легче на душе становится. Как же, болеем за горох. И вообще за все наше, чего звену дали...

Собственно, из-за этого-то звена я и приехал в совхоз. Главный разговор начинался неожиданно буднично, посреди чудесного поля. Загорелые, крепкие люди называли его трудным. Николай Трофимов — стройный, ладный, в плотном комбинезоне и поэтому чуть-чуть плакатный. Но когда глядит на свое поле, когда улыбается моим дотошным вопросам, тогда вся его плакатность пропадает. А вопросы — прямо здесь, на ветру, на долгожданном солнцепеке — потому дотошные, что организация труда в совхозе принципиально новая. В основе ее — звено механизаторов.

Слушаю и догадываюсь: что-то найдено!.. Но что? Николай помогает понять.

— Болезни стало больше. Нас шесть ребят в звене. И каждый-болельщик за него...

— А раньше? А год, а пять лет назад? Ты же и тогда, верно, не был равнодушным или рвачом?..

— Чего старое-то ворошить,— обезоруживающе улыбается Николай,— рвачом, может, и не был, да только интересу такого тоже не было, как в звене. Болезни, говорю, этой самой не было... Ну, а еще как объяснить?..

К нынешней звеньевой системе подбирались в совхозе исподволь.

Год-два назад то там, то тут впервые взялись обработать по 50, 100 и даже по 150 гектаров кукурузы. В светлых головах шевельнулась мысль: «Не в этом ли выход?» Опыт Николая Мануковского заставил руководителей многих хозяйств пересмотреть свои взгляды на возможности человека с машиной. Именно **один**, если он на тракторе с навесными орудиями, и был тот **воин**, который выигрывал битву на трудном поле. Все эти соображения подкрепил чуть позднее опыт Владимира Светличного и десятков его последователей.

Но как быть практически? Прежде всего не нужны крайности. Ну почему обязательно **один** и только на кукурузе? Не разумнее ли сколотить боевые экипажи, дать им набор культур, чтобы машины не знали простоев? Так и сделали: создали этакий механизированный кулак.

Речь сейчас не только о совхозе «Ново-Лядинский». Рядом и другие хозяйства Тамбовщины, которые устремились в этот прорыв. Просто в этом совхозе я порасспросил о найденном более подробно. Сначала, когда наступали ощупью, Виктор Васильевич предложил некоторым механизаторам заключить договор с совхозом. О чем же? Совхоз закреплял за этими механизаторами и их напарниками машины, землю, культуры, а они должны осенью

ссыпать в амбар столько-то продукции, за что и получат такую-то сумму. Это заинтересовало механизаторов. Сдельщина? Она самая. Совхоз из года в год был убыточным, заработки мизерные, руки давно опустились. А тут что-то новое, и, главное, обещают — вот он, печатью скрепленный договор,— заплатить с урожая! Обе стороны подписали соглашение... Не все вышло гладко, как на бумаге, но подтвердилось главное: механизированные звенья — это жизнеспособные, мобильные производственные единицы. Уже в прошлом году новоляднинцы вдвое больше произвели зерна (вот она и сказалась, кукуруза, выращенная и доведенная в звеньях до ума). Главное же — растениеводство впервые дало совхозу прибыль! Теперь дело за животноводством, но эти отрасли настолько связаны, что Виктор Васильевич полагает, что выйдет наконец-то с прибылью.

Подошел и бригадир Иван Федорович Федотов.

— Николаевым рукоделием любуетесь? Туточка парень по полста центнеров гороха намолотит! — И хохотнул довольный.

— Хватил,— отозвался директор глухо. Он что-то прикидывал в уме.— Сейчас нам о кормах, о кормах на будущее надо думать. Иначе мяса не возьмем. Мясцо-то кусается. Цены ценами, а нам тут о кормах, о привесах думать надо... Допустим, гороха Николай возьмет не менее двадцати пяти центнеров на круг, а это поболе двух с половиной тысяч центнеров кормовых единиц. Кукуруза, если по сорок центнеров зерна возьмет, даст еще столько же. Да силос кукурузный вдвое больше! Да еще свекла!..

Николай воспользовался паузой:

— Мы этот расчет в уме держим. В общем, возьмем поболе двенадцати тысяч центнеров кормовых единиц. Это по шести тысяч с гектара.

— Ого! — воскликнул директор, удивленно глянув в спокойные глаза звеньевого.— Не получается по шести-то, бухгалтер?

— Да плюс энтузиазм, Виктор Васильевич!

— Ишь ты — энтузиазм!..— деланно замахнулся клюкой директор.— Ты давай боронуй, пока корка не взялась, да выгоняй кукурузные сеялки, да глаз с сорняка не спускай, а то у него энтузиазму никакого, зато корни здоровы!..

Со смехом расходились. А я все думал о механизаторах, перестроивших свои боевые порядки, наконец-то взявшихся за выращивание урожая, а кое-где и за откорм скота. Обслуживающий персонал, так сказать, стал хозяином трудного поля. Не в этом ли знамение нынешнего лета?

Оказывается, и в этом и не только в этом. Уже написав очерк, я прочел Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в котором ясно показана взаимосвязь производительности труда, рентабельности хозяйства и стоимости продукции.

Встречи на Тамбовщине укрепили во мне ощущение новизны, ощущение того, что деревня наша переходит через свой Рубикон. Когда не знаешь, за что работаешь, то и слово «энтузиазм» трудно выговорить таким вот деревенским парням, как Алеша Шишкин, Вася Букатин, Коля Михайлов, комсомольцам из звена Трофимова. Теперь выговаривают. Теперь они замахнулись на всесоюзное достижение — получить по шесть тысяч кормовых единиц с каждого вверенного им гектара!

2

— Существовавшая система оплаты труда — это позорнейшее явление,— резко и с болью сказал мне Василий Иванович Карпов, начальник Тамбовского территориального производственного управления.— Она и сейчас еще сплошь и рядом существует. Ну, теперь хоть и не сплошь, а все же рядом!.. И не система, а бессистемье...

Василий Иванович перебирал слова, как перебирают крестьяне зерна на ладони. Невыполненное, щуплое он отбрасывал, крутобокое, полное своего животворящего смысла оставлял. Тринадцать лет Карпов был здесь, в Тамбовском районе, первым секретарем райкома партии. Теперь под его началом земледелие и животноводство четырех районов. Много и часто думал он о самом главном, о самом трудном, от чего некоторые предпочитали отмахиваться.

— Нет в сельском хозяйстве одной, пусть самой главной проблемы. Есть узел вопросов, проблем. И этот узел самое время распутать. Вопросы производительности труда и себестоимости продукции — кто и когда серьезно их анализировал? Какой институт? И какие руководители районного и даже областного масштаба? А ведь, в сущности, мы не вылезали с полей, с ферм — «поднимали народ», «нацеливали», «озадачивали»... Сколько нашего брата получило инфаркты, сколько посеянных слов не дали всходов?..

За окном лил и лил дождь. Обложной, с близкими молниями. Вот шум ливня затих. На минуту посветлело, и тут же новый удар грома, и снова бьют внахлест сильные светлые струи.

Василий Иванович много курит. Затянется, коротко глянет в окно и говорит, говорит:

— Я сейчас больше о том, что перегорело, переболело... Но не поняв, не осознав вчерашнего, нельзя идти в завтра... Ведь что было? Полный разрыв между материальной заинтересованностью колхозника и общественными нуждами. Есть слово «выгода»? Есть! Зачем его шельмовать? Колхознику, основному производителю материальных ценностей на этой вот земле, было невыгодно работать с полной отдачей физических и творческих сил. Невыгодно! А колхозу? Ему, несмотря на все доброе, сделанное в последние годы, все еще невыгодно (теперь, после постановления Совета Министров СССР, читай: было) продавать государству молоко и мясо по существующим (читай теперь: существовавшим) ценам. Особенно сверхплановую продукцию. Ну, а государству? Ему-то, наверно, прибыльно? Оказывается, тоже нет. И ему невыгодно, чтобы сеяли кое-как, пахали кое-как, доили вручную, а собирали урожай сам-три...

За окном светлело. Рваные, разрозненные, будто потерпевшие поражение войска, бежали низкие тучи. Сильный ветер гнал и гнал их все дальше за горизонт...

— Оплата труда—вот с чего мы начали распутывать злосчастный клубок. Нынче на всех районных перекрестках говорят о дополнительной оплате. А говорить-то надо об основной! О той, которую собираемся дополнять. Обязательно дополнять! Но к чему? За что? За какие такие исключительные подвиги в поле или на ферме? Вот ведь о чем должна быть первая забота!

Василий Иванович снова закурил.

— Вот провялит дорогу, и поезжайте в Бокино. Там председателем большая умница — Шелудяков Евгений Евдокимович. На первом же заседании нашего совета мы поставили вопрос об оплате труда. На первом же! Доклад сделал Шелудяков. Зал набит битком, слушали его почти два часа. Это было как песня! Только цифр в этой песне много. Да... Зато какие цифры!.. Сколько раз я видел: среди поля брошены сеялка, плуг, бороны... Ну отчего так? Хозяин бросил бы?.. Или — полагается на сеялке сеяльщик. От него зависит качество сева. И вот глядишь, сеяльщик не работает, а катается — сидит на ящике да еще задом наперед, как Иван-дурак... Почему? Отсутствие элементарной заинтересованности в труде — уравниловка наизнанку. Наизнанку она еще хуже... Ну, теперь-то сдвинут лежачий камень, обязательно поезжайте к Шелудякову.

Мы еще долго говорим о гарантийной оплате труда колхозников, о жизненных связях между оплатой и производительностью труда, между производительностью и себестоимостью продукции. «Работы груда!» — как сказал хозяин трудного поля. Да не все еще умеют хозяйствовать.

— А мы долгое время и не учили хозяйствовать колхозников,—отозвался на эту мысль Василий Иванович.— Вернее, всячески отучивали. Тут дело до анекдотов доходит. Есть у нас колхоз имени Кирова. Самый дальний, а значит, и самый отстающий. Там что удумали? Организовали бесплатную столовую! Все, мол, общее: ешь — не хочу! А хозяйство жиденькое, в долгах, как в репьях. Если хотите вернуться в пятьдесят третий год, загляните: там он сохранился, несмотря на время. Да... Так вот, решили умники через сегодня шагнуть в завтра. Любопытно? И нам стало любопытно... Послали мы туда инструктора-организатора. И что же? Расход трудодней вдвое больше, чем в соседнем колхозе. Разбазаривание налицо. Сам председатель ревизионной комиссии получает оклад — заметьте, не трудодни — 160 рублей в месяц. Свиньи с ног валятся, худые и злые, как мартовские волки... А по столовой списано почти двести литров водки, да еще «особой московской», которую никто и в глаза не видел... И все это разливанное море тяжким рублем ложится на себестоимость молока и мяса, которые государство покупает в колхозе имени Кирова...

Ну, чем не пародия на коммунизм!..

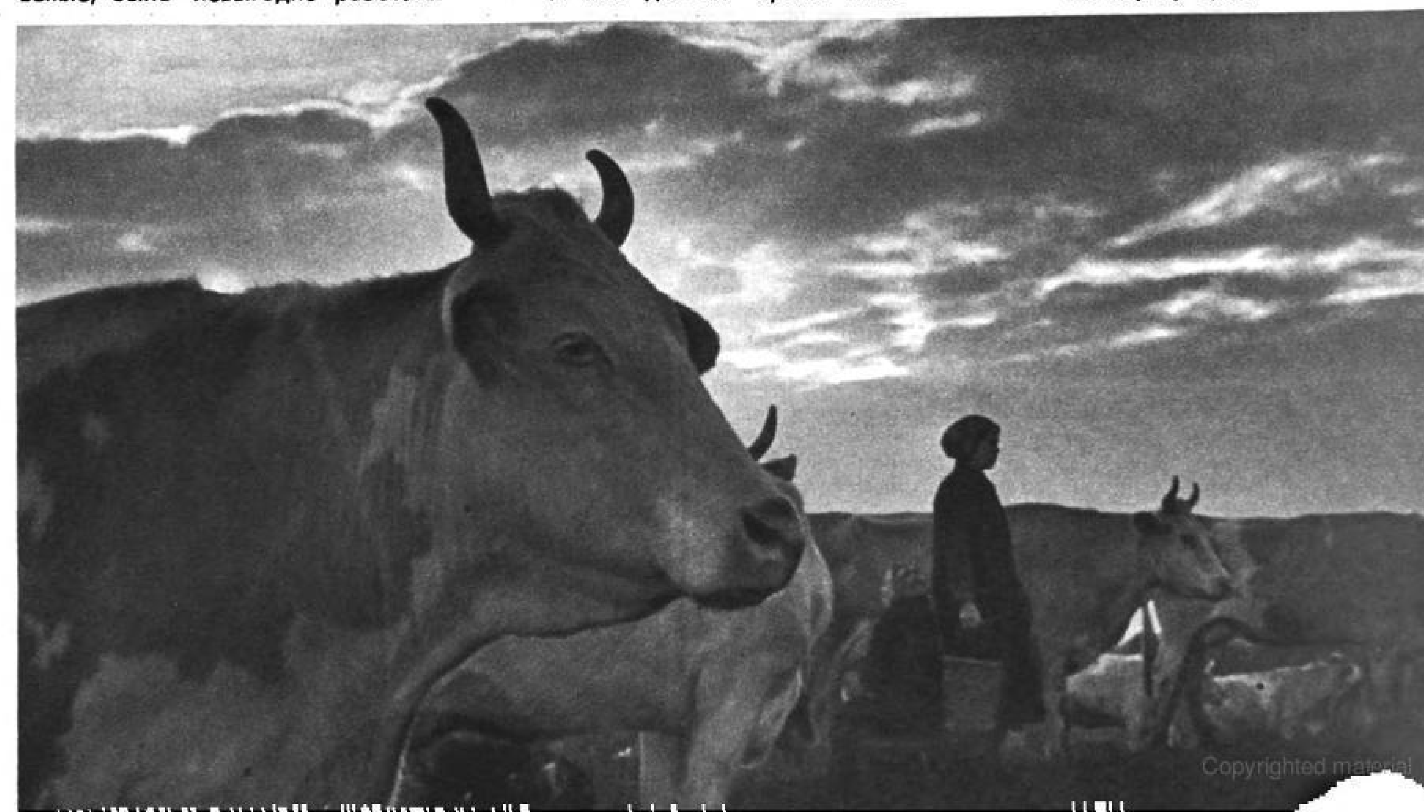
3

Нынче дуб поздний. Говорят, к урожаю. Может, и так. Хлеба действительно отличные. И бобовые хороши. Но главная примета в другом.

На короткой дороге к колхозу имени Жданова наша машина проплыла не один десяток метров: земля уже не принимала воду. Еще таких несколько дней — и весна, считай, проиграна. Когда досада на дожди грозила вот-вот смениться ощущением стихийного бедствия, небо прояснилось. Сильные ветры поработали на славу, они согнали тучи с неба Средней России буквально за несколько часов, переадресовав их за Волгу и дальше — за Урал, где весна была нынче сухой и необычно жаркой.

Село Бокино, где правление колхоза имени Жданова,— древнее, большое, тянется километров на пять. Избы — и старые, темные, на глаз видно, трухлявые, и тут же, по соседству с ними, новые, светлые, нередко каменные — погружены в заросли сирени.

Бокино любопытно тем, что рас-



На берегу Цны.

положено между двух городов — Тамбовом и Котовском. Отсюда, верно, и название — под боком у города... Как между двух магнитов. Нешуточное испытание для колхоза! Собственно, вся история его и есть это испытание на сопротивление, точнее, на разрыв. Выдерживает ли?

В эпоху «палочек» — едва-едва: слабоват был. Теперь вот даже сам начинает обретать свойства магнита: в колхоз за год вернулись пятьдесят шесть его блудных сынов. За то же время принято в артель новеньких двадцать один человек. Эти две очень скромные цифры лучше многих говорят и об экономике колхоза и о политике его руководителей. Судьбы Андрея Ильясова, Ивана Пачина, Анастасии Ильичевой и других, вернувшихся с городских предприятий к земле отцов, проголосовали за ту новизну, которая и составляет особую примету минувшей весны.

С председателем встретились на вечерней дойке, на берегу переполненной Цны. Закат обещал назавтра вёдро. Коровы заходили по десять в узкий загон, покорно становились для механической выдойки. Со всем стадом управлялись двое — Марья Бучнева и Нина Ярмизина. Им помогала девушка, приехавшая за опытом из Уваровского района.

Евгений Евдокимович, сделавший, как говорят очевидцы, замечательный доклад на совете в производственном управлении, был предельно неразговорчив. Молча смотрел за дойкой, потом спросил негромко о жирности молока, еще о чем-то. Его беспокоило, что станция не дала в тот вечер ток: где-то обрыв. Уж больно сильные ветры к концу дня волнами перекатились через Бокино и пойменные луга! Механическую дойку сейчас питал аварийный движок, и председатель боялся, как бы не попортить коров: аппараты работали не совсем ритмично.

Когда вернулись в правление — плохонькую, тесную избу («Она у нас временная. Будем строиться...»),— света еще не дали.

Евгений Евдокимович снял картуз, сел под окном, устало молчал.

Вошла городского обличья молодая женщина.

— Я к вам, Евгений Евдокимович.

— Слушаю.

— Как же быть-то? У матери усадьбу отрезали! Как ей жить теперь? Это не по справедливости. Если из-за меня, так я не живу здесь, ничем не пользуюсь, я в городе, сами знаете.

— Знаю. Это ничего, городу тоже руки нужны,— медленно отвечает председатель.— Это хорошо даже. Только плохо, что живешь на два дома. Зимой там, летом здесь. Земля ведь колхозная, мы не можем раздавать ее дачникам... Ты бы призрела мать на старости лет. Пусть и она в городе поживет...

— Да как ее уговорить! — наигранно вскинулась женщина.— Я было взяла ее, так она с крика надорвалась! Хочу домой — и все! А что я квартирантов в городе пускаю, так то люди все врут! — Женщина, искусственно подогрев себя, переходит на причитания.— Разве же я плохо работала в колхозе? Я ли не старалась? Вот мои ордена, целых три штуки...

Она достает из-за пазухи три медали.

— Я помню, как ты работала. Мастерица! И сейчас бы дело тебе нашлось. Про новую оплату знаешь? А что было, быльем поросло... Огород-то у вас добрый... Ты подумай!..

— Я не против, Евдокимыч... Уж и дом в городе продам, шут с ним! Теперь чего не вернуться?.. Со всей душою.

Она неожиданно уходит, как и вошла, спокойная. Видно, давно все решила, только на разведку приходила, только для порядка покричала... Совсем стемнело. Евгений Евдокимович, словно продолжая разговор с ушедшей, говорит о том, как все изменилось в колхозе за эти вот полтора-два года.

Еще будучи парторгом, Евгений Евдокимович ломал голову над тем, как увязать оплату с центнером полученной продукции. В трудодне люди изверились, да экономически он никак и не был связан с развитием производительных сил. Не служил он и подлинным мерилом труда. Как правило, недобросовестный механизатор зарабатывал много больше, чем тот, кто строго соблюдал агротехнику. А сам урожай почти не играл роли при расчете с колхозниками... Потом Евгения Евдокимовича избрали председателем («До него был хороший человек, душевный, но кабинетчик, потому как присланный» — так охарактеризовал предшественника Шелудякова мой квартирный хозяин Степан Владимирович Митягин). У нового председателя оказались под рукой толковые, а главное, смелые помощники. Это и агроном Анатолий Чуканов, подвижной, верткий, словно начинен взрывчаткой, и механик Алексей Трофимович Неведров, человек обстоятельный, с мужицкой хваткой и к тому же по-современному любящий технику, это и зоотехник Николай Федорович Алпатов.

Всем штабом год назад пришли к выводу, что надо прежде всего дать людям заработать, причем заработок этот гарантировать именем колхоза. Перейти всем колхозом на хозрасчет, а в оплате — на деньги. В основу новой системы оплаты положили два требования: она должна изо дня в день способствовать повышению производительности труда и снижению себестоимости продукции. Последнее особенно важно, так как у колхоза, будто ведра на коромысле, висят совсем рядом два города. Чем дешевле будет колхозная продукция, тем выгоднее часть ее можно реализовать. Городу тоже прямая выгода: войдя в силу, колхоз собьет спекулятивные цены на базаре.

Сегодня, припоминая дословно этот разговор, радуешься тому, насколько точно совпадают мысли рядового командира от земли, если так можно сказать, с мыслями, выраженными в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Все, видно, шло к этому...

— В основе нашей оплаты,— разговорился наконец председатель, — сдельно-прогрессивный принцип. Сдельщина плюс прогрессивка! Мы пересмотрели все нормы выработки. Кое-что взяли у совхозов, а больше — из своего колхозного опыта. Шли от реальной жизни. Только от нее! Разработали разрядную сетку. Например, все виды конно-ручных работ поделили на четыре разряда... Сейчас совершенствуем нашу систему, кое-что меняем на ходу. Но я о главном. Подсчитали все расходы, все доходы, все нормы. По каждой отрасли, по каждой культуре, по каждой марке машин, по каждому виду скота...

ПОМНИТЕ О ЛИДИЦЕ!

Михаил КОТОВ,
ответственный секретарь Советского комитета защиты мира

Лидице — это имя знают миллионы людей во всех странах. Оно напоминает людям о том, что несет с собой фашизм. В июньские дни 1942 года в чешскую деревню, имя которой стало символом мужества, ворвались фашисты. Озверевшие оккупанты сожгли дома, расстреляли ни в чем не повинных жителей — мужчин, женщин, детей. Это была месть за убитого партизанами фашистского палача Гейдриха. Девизом жителей Лидице было — лучше погибнуть, чем стать на колени перед гитлеровцами! Смерть героев Лидице стала бессмертием.

В музее, построенном в Лидице, собраны документы, которые на века приковывают к позорному столбу фашистских палачей.

В память о жертвах Лидице у самого входа в новую деревню разбит большой розовый сад. Сюда привезли саженцы роз сторонники мира многих стран. Прислали свои розы садоводы из Москвы и Крыма, из Киева и Волгограда. Я видел море роз. Я видел многих людей, приезжавших в Лидице с разных концов света, чтобы поклониться ей, чтобы отдать дань глубокого уважения тем, кто погиб за правое дело.

И когда я смотрел на цветущие розы, я думал о великом содружестве народов, о солидарности людей, которые сегодня отстаивают мир, борются за то, чтобы пламя войны никогда не коснулось ни одного сада на земле.

Приезжая в Чехословакию, я всегда первым долгом стремлюсь в Лидице. Я был здесь уже много раз, ходил по широким улицам новой деревни и любовался прекрасными домами, заходил в гости, и везде меня встречали добрым взглядом и теплым рукопожатием. Однажды маленькая девочка преподнесла мне алую розу и сказала: «Пожалуйста, помните о Лидице! Это очень хорошая роза». Я хорошо помню эту розу и глаза девочки из Лидице.

Недавно в Советский Союз приезжала Густина Фучикова — друг и соратник Юлиуса Фучика. Она была вместе с ним в тюрьме, стойко вынесла муки и страдания, прошла лагерь смерти — Освенцим, познала все ужасы фашизма. Густина поклялась посвятить жизнь делу защиты мира.

Густина вспомнила о Лидице. Она рассказала нам о послании чехословацких ребят из города Бенешова своим сверстникам во многие страны. Это письмо написано очень серьезным языком.

Мы их встретили в совхозе «Комсомолец», четырех птичниц. Они вместе окончили десятилетку, вместе вступили недавно в партию, вместе готовятся к поступлению в Тимирязевку. Вот они: Валя Логачева, Тоня Синельникова, Лида Князева, Нина Гончарова.

Цифири перелопатили уйму!.. Вот где позарез нужен был плановик-экономист! Да только такие птахи в колхоз редко залетают. Одолели сами. Тут агроном наш всю бумагу на себя взял...

На сдельно-прогрессивную оплату переведены и все работники административного аппарата и специалисты... Люди радовались деньгам, но не сразу поняли, что новая оплата главным образом связана с качеством работ, с урожаями, с надоями и привесами. Животноводы вначале скандалили, требовали платить за голову, а не за надои или привесы. Переубедили их. Механизаторы тоже требовали по старинке платить — за мягкие гектары. Переубедили и этих. Рублем! Создали ударные механизированные звенья, дали им производственные задания и свободу действия на своей земле. И людей будто подменили!

Прошлый год у ждановцев прошел на диво организованно. Урожай собрали обломный! Главное, впервые избежали потерь: ведь теперь здесь платят за амбарный урожай. Рассказывают, что механизаторы по собственной инициативе ночами караулили кукурузу и подсолнечник, дабы не были украдены ни один початок, ни одна шляпка!

— Сделали осенью окончательный расчет и задумались.— В темноте я угадывал, что председатель улыбнулся.—Как быть? Слишком богатой вышла доплата. Больно хорошо убрались, а как рассчитываться, по совести или еще как, не знаем... Я поехал в райком партии... Вроде до осени смелый был, а тут дрогнул, усомнился: не разбазариваем ли мы средства?.. Видно, старое еще бродило в крови... Карпов Василий Иванович — знаете? — был тогда первым у нас. Выслушал. Улыбается: испугались, новаторы? Нет, говорит, друзья, все это ваше, колхозное, и никуда оно не денется. Каждый рубль, честно отданный за честную работу, обернется завтра червонцем!.. И мы расплатились. Не обманули. Как легко было на сердце! И люди нам так-то поверили, так-то...

Он снова замолчал. Где-то скрипел сверчок.

Разумеется, не все «придумал» он, Шелудяков. Идея подобной системы оплаты уже зрела и зреет в самых разных уголках страны. Этого и не могло не случиться. Люди, обретшие творческие силы, вдохновленные вмешательством партии в самые насущные вопросы сельской жизни, ее кровной заинтересованностью в подъеме жизненного уровня советских людей, думали, примерялись, создавали и создают новое, ломали и ломают старое. Перепахивали и перепахивают наново поле, не давшее всходов... Разве не об этом же свидетельствует и Обращение партии и правительства ко всему советскому народу?

Отныне каждый колхозник в Бокине получает ежемесячно гарантийную оплату. Она составляет примерно семьдесят пять процентов от той суммы, которую, по расчетам правления, предполагается выдать в конце года. После окончания всех работ доплачивается разница. Если случился неурожай, выплаченные деньги назад не отбирают. Механизаторам теперь платят и за классность и за экономию горючего. Каждый колхозник получил право на оплачиваемый отпуск и больничный лист. Оплата повысилась в среднем в полтора-два раза, это рублей 100—125 в месяц.

Каждая сэкономленная минута, капля горючего, взмах уставшей руки, каждый лишний колос, початок, литр молока в конце года ложатся на весы колхозного баланса. Главный результат — дешевая продукция колхоза, его дешевые молоко и мясо. При урожае пшеницы в 13 центнеров с гектара себестоимость ее составляла около трех рублей, а при 20 центнерах, как это было в прошлом году,— два рубля с копейками. Себестоимость же центнера зерновых за два года снизилась с 3 рублей 64 копеек до 2 рублей 27 копеек. А закупочная цена — 6 рублей 70 копеек. Вот откуда прибыль!

Мы говорили о колхозной экономике и на следующее утро, а потом еще и еще — то в райкоме партии, то в производственном управлении, то в гостинице. Евгений Евдокимович каждый раз приводил новые примеры, соображения, а мне хотелось воскликнуть: «Эврика!» Он скупо, одними глазами, улыбался: «Погодите, еще не все выверено... Хозрасчет на глазок не признает. Главное, чтоб дешевле...»

В Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР к народу говорится о том, что в нашей стране уже сейчас немало совхозов и колхозов, в которых себестоимость мяса и молока гораздо ниже закупочных цен. Я был в те же дни в совхозе «Комсомолец», в котором килограмм утятины обходится в 75 копеек, а килограмм куриного мяса — в рубль, когда сдаточная цена птичьего мяса была 82,2 рубля за центнер. Теперь же за килограмм утятины государство будет платить 1 рубль 10 копеек. А утка в совхозе, как добрая свинья, дает в год до 80 килограммов мяса — это, разумеется, вместе с потомством!

Колхоз имени Жданова тоже заметно снизил себестоимость своей продукции. Например, центнер силоса ему обошелся в 30 копеек вместо 40, как это было в прошлом году; сахарной свеклы — в 70 копеек вместо 1 рубля 26 копеек. А ведь это основные корма! Значит, дешевле стало и молоко. А как с мясом? В 1960 году центнер говядины обошелся колхозу в 93 рубля 57 копеек, а в прошлом, 1961-м,— в 35 рублей 20 копеек. Вот она, прибыль, а значит, и новые машины, и новые постройки, и новая жизнь на селе. Ведь теперь здесь закупочная цена за центнер мяса повышена до 90 рублей за говядину, до 125 рублей за свинину!

Будет таких колхозов больше, и горожанам вернется их нелегкий заем!

...Пашется трудное поле. Трудное, об этом своевременно и откровенно сказано нашему советскому народу в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Люди города должны знать, что поле это пашется глубоко, по всем законам хлеборобской совести, а теперь еще и подлинной колхозно-совхозной экономики. Урожай, который теперь уж не может не быть на этом поле, вознаградит труд пахарей сторицей.

И тогда Виктор Васильевич и тысячи его сотоварищей по труду и заботам снова, как это бывает только в юности, заслышат неприметного соловья, улыбнутся поздней сирени.

После выступления «Огонька»

«ТРОФИМ ТКАЧЕНКО И ДРУГИЕ»

О домовладельцах-собственниках из Днепропетровска «Огонек» писал в № 26 за 1961 год и № 23 за 1962 год. Из Днепропетровска сообщили: по решению народного суда Красногвардейского района, состоявшегося в апреле, домовладения, принадлежавшие Т. В. Ткаченко и А. М. Корниенко, изъяты в фонд местных Советов.

«Давайте выступим за то, чтобы 1962 год стал годом разоружения, мира и дружбы между народами,— пишут чехословацкие ребята.— Просите своих родителей, преподавателей, докторов, всех людей, представляющих различные организации и партии, чтобы они добились от политических деятелей и руководителей государств согласия пойти на переговоры о мире и сосуществовании». Это призыв ко всем матерям и отцам, братьям и сестрам, ко всем людям — не забывать о минувшей войне, не забывать о Лидице, не допустить того, чтобы на нашей планете снова появились пепелища Орадура, Ковентри, Смоленска, Варшавы.

Густа Фучикова рассказала, что в канун Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир на месте погребения жертв фашизма в Лидице встретятся друзья мира из Чехословакии и других стран. Отсюда снова разнесется по странам призыв: «Помните о Лидице!»

Есть еще люди на Западе, которые закрывают глаза на опасность возрождения фашизма. Только слепые могут не видеть того, что нынешняя Западная Германия — это рай для неофашистов, которые мечтают развязать новую войну. Боннское министерство внутренних дел опубликовало некоторые документы, согласно которым в Западной Германии ныне «всего лишь» 86 «праворадикальных», то есть профашистских и антисемитских, союзов. В этих организациях якобы состоит только 35 400 человек. На самом деле их гораздо больше.

Кто же потворствует этим организациям? В сборнике признается, что денежные суммы выделяют неофашистам определенные круги предпринимателей, состоятельные люди в ФРГ и за границей. На эти деньги издаются фашистские газеты и журналы. В ФРГ выходит 46 газет и журналов профашистского толка общим тиражом в 160 тысяч экземпляров. В этих газетах проповедуются идеи реванша, новой войны (министерство об этом, разумеется, умалчивает). Фашистские организации имеют 12 издательств и 5 организаций по распространению печати.

В Западной Германии насчитываются десятки так называемых землячеств и сотни солдатских и эсэсовских союзов. Их главная цель — пропаганда и подготовка новой войны.

Боннское министерство признает далее, что «неонацистские группы участвуют почти во всех областях общественной жизни». Известное «движение Людендорфа» ратует за возрождение «великогерманского рейха». «Верность рейху» — это девиз всех профашистских группировок.

Всех, кому дорого дело мира, не может не волновать, что в ФРГ бундесвер вооружается атомным оружием, что гитлеровские генералы восседают в НАТО, а бывшие военные преступники занимают командные посты в боннском государстве.

Вот почему сегодня, когда я слышу голоса боннских реваншистов, снова вспоминаю девочку с розой: «Помните о Лидице!» И мне хочется сказать в ответ:

«Мы помним тебя, Лидице! Мы сделаем все, чтобы не дать фашизму снова развязать кровавую войну».

Нет оправдания!

Правящие круги Соединенных Штатов Америки, продолжая лихорадочную гонку ядерного оружия, объявили о новом преступном эксперименте: запланировано осуществить ядерные взрывы на высоте в несколько сот километров.

Гнев и возмущение мировой общественности были ответом на эти замыслы американской военщины. Во всех странах земного шара люди доброй воли осудили Белый дом за попытку распространить военные приготовления на космическое пространство.

С исключительным вниманием и одобрением встретили миллионы людей Заявление Советского правительства об американских ядерных взрывах на большой высоте. В этом Заявлении дается ясная и прямая оценка тех последствий, которыми чреваты высотные ядерные взрывы.

«Если правительство США,— говорится в Заявлении,— приведет в исполнение свое намерение и осуществит запланированные им ядерные взрывы на большой высоте, оно тем самым возьмет на себя всю ответственность за серьезное осложнение международной обстановки. Мероприятия США по распространению военных приготовлений на околоземное пространство поставят Советский Союз перед необходимостью принять в этих условиях соответствующие меры к обеспечению своей безопасности, безопасности социалистических и всех миролюбивых стран. Только недальновидные деятели могут рассчитывать на то, что в результате проведения ядерных испытаний на большой высоте Соединенные Штаты Америки добьются каких-либо военных преимуществ. Правительство СССР позаботится о том, чтобы этого не произошло».

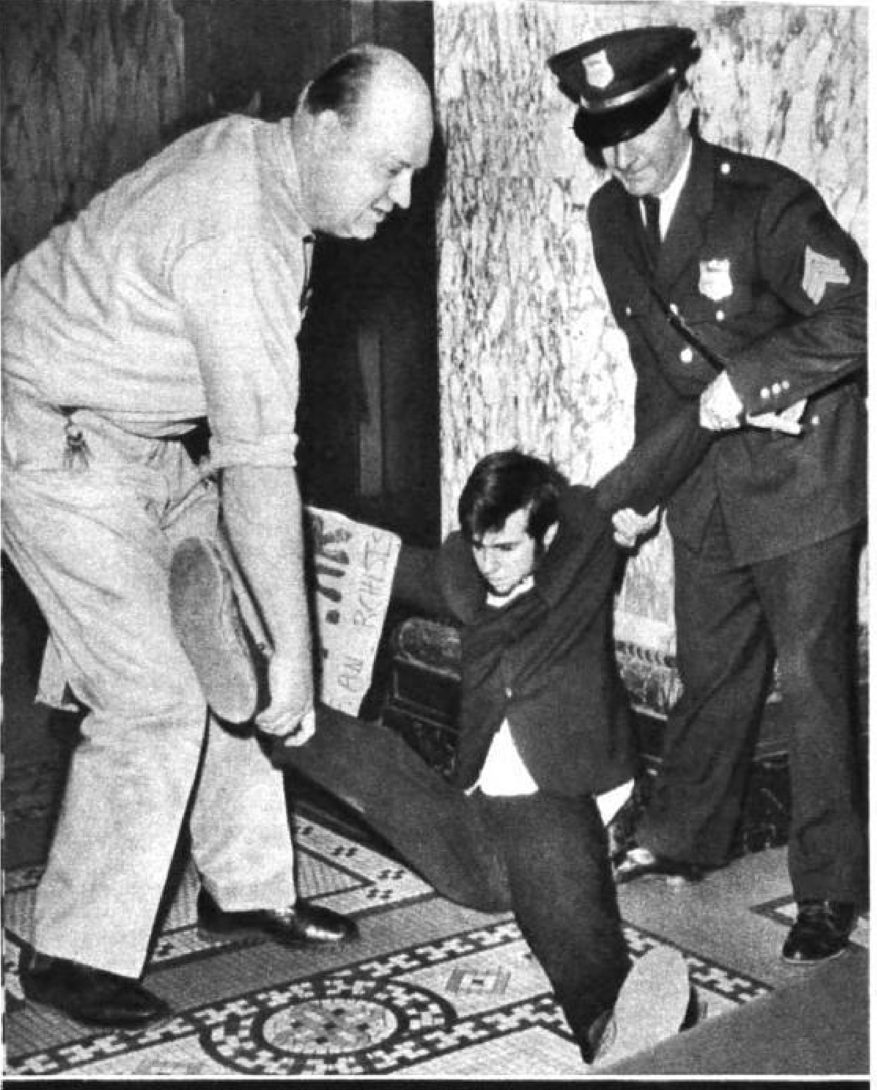
Мы связались по телефону с Веной и попросили известного юриста, профессора международного права университета в Граце, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Генриха Брандвайнера высказать свое мнение об американских планах «освоения» космического пространства с помощью атомных и водородных бомб.

— Я всегда считал и считаю,— сказал нам профессор Брандвайнер,— что ядерным взрывам не должно быть места. Ни на земле, ни под землей, ни в атмосфере, ни в космосе. Это, естественно, не только мое личное мнение: так думают все, кому дороги мир и цивилизация, кому дорога жизнь на нашей планете.

Никаких оправданий не имеет правительство США для того, чтобы открыть новый этап гонки ядерных вооружений — произвести взрывы в околоземном пространстве. Президент Кеннеди и его советники не услышали слов осуждения, сказанных виднейшими представителями научного мира. Они не вняли протестующему голосу народов. Человечество не забудет и не простит этого.

Стремление всех народов,— продолжает профессор Брандвайнер,— это всеобщее и полное разоружение, что означает, разумеется, и прекращение смертоносных ядерных экспериментов. Люди ждут этого, борются за это. Веским противопоставлением ядерным взрывам может стать дружественное сотрудничество государств в исследовании космического пространства. Это было бы всем на пользу.

Заявление Советского правительства звучит разумным и суровым предостережением. Я бы очень хотел, чтобы это поняли в Вашингтоне. И отказались от безрассудных, крайне опасных экспериментов.



ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ...

Этот снимок получен из Соединенных Штатов Америки, из Сан-Франциско. Вы видите полицейскую расправу над 19-летним Джефферсоном Полэндом. Он пришел в здание суда, разбирающего дело трех членов экипажа яхты «Эвримэн», обвиняемых в том, что они хотели воспрепятствовать американским ядерным взрывам в районе острова Рождества, отправившись на своем суденышке в район взрывов. Полэнд нес в руках плакат со словами протеста против подготовки ядерной войны. Полиция схватила юношу. Насколько «деликатно» с ним обращались, свидетельствует тот факт, что в тюрьму Полэнда доставили на носилках...

Миролюбивая общественность Америки гневно осуждает провокаторов войны из Пентагона, раздувающих ядерный психоз. И власти США не находят другого аргумента, кроме полицейской дубинки.

Фото ЮПИ.

Гости Москвы — эстонские писатели

1 июня начались дни эстонской литературы в Российской Федерации. В Концертном зале имени П. И. Чайковского посланцы братской республики встретились с москвичами, чтобы познакомить их со своими стихами и новеллами. Гостей принимали у себя и жители поселка имени Дзержинского, Люберецкого района. Большой вечер эстонской литературы состоялся 3 июня в Центральном парке культуры и отдыха имени А. М. Горького. Литераторы Эстонии побывают также в Волгограде и Ленинграде. На снимке — эстонские писатели в Москве, в редакции журнала «Дружба народов». Слева направо: Керсти Мерилаас, Ян Кросс, Эллен Нийт, Дебора Вааранди, К. Зелинский, Пауль Куусберг, Лилли Промет, Юхан Смуул.

Фото П. Маныча.

КРУГ СУЖА

Июнь в Чили не назовешь знойным: во всех «футбольных» городах, за исключением Арики, дождь то моросит, то льет, как из ведра, и изнеженные южноамериканские болельщики предпочитают смотреть по телевизору даже самые интересные матчи чемпионата мира. Трибуны пустуют.

А между тем поединки за кубок «Золотой богини» проходят в необычно жаркой борьбе. В этом остром споре многие команды несут потери. Теряют не только очки, но и... игроков. Некоторые футболисты пытаются восполнить недостаток мастерства грубостью. Недаром ФИФА уже после первого тура вынуждена была на специальном заседании рассмотреть вопрос о хулиганстве на поле.

Есть «жертвы» и среди судей. Англичанин Астон, проводивший матч между сборными Чили и Италии, несколько раз останавливал игру и призывал на помощь полицейских. А что оставалось делать, если на поле развернулась настоящая драка? Астон удалил с «арены боя» двух итальянцев, но сам с трудом довел встречу до конца: рассерженные гости с Апеннинского полуострова в одной из схваток порвали ему ахиллово сухожилие.

Чилийцы выиграли эту встречу и обеспечили себе выход в четвертьфинал.

Но в общем-то после строгого

В. Иванов забивает третий гол в ворота колумбийской команды.

КОНЕЦ ЕЩЕ НЕ НАСТУПИЛ

Владелец ресторана, расположенного вблизи нью-йоркской биржи, в дни, когда в финансовом мире Соединенных Штатов разразилась буря, жаловался, что у его клиентов пропал аппетит. Но потеря аппетита биржевиками была хотя и естественным, но совсем не самым главным последствием катастрофического падения курсов акций на нью-йоркской бирже. «...15 миллионов американцев неожиданно стали беднее»,— констатировала итоги произошедших событий английская газета «Файнэншл таймс». Следом за США биржевые потрясения пережили все крупнейшие капиталистические страны. Паника и страх перед будущим обуяли не только биржевиков, но и простых людей капиталистических стран, которых напрасно старались успокоить красивыми словами об «устойчивости» и «прочном фундаменте» экономики «свободного мира».

Идеологи капитализма не раз провозглашали, что ныне Соединенным Штатам не грозят кризисы. Но биржевая катастрофа, произошедшая в конце мая, явилась свидетельством полной несостоятельности подобных утверждений.

Ныне финансовый мир США, кряхтя и охая, приходит в себя после биржевой катастрофы. С несколько подозрительным оптимизмом печать сообщает о повышении курсов акций. По словам «Нью-Йорк таймс», по меньшей мере часть вкладчиков решила, что конец мира пока еще не наступает.

Пока еще... Но все больше становится тревога, когда капитализм пытается заглянуть в будущее. Английский журнал «Стейтист» с замиранием сердца задает вопрос: «...Не приведет ли падение курса акций к более широкому экономическому спаду, как это было тридцать два года тому назад?»

Все мрачнее нависает призрак кризиса над капитализмом.

↑

«Не поддавайтесь панике!» — заклинает Америку министр финансов США Дуглас Диллон. Но сомнение в устойчивости американской экономики было сильнее призывов министра.

→

Так выглядело помещение нью-йоркской биржи вечером 29 мая. Куча бумаги, под которой погребены утверждения о том, что капитализм вступил на «бескризисный путь развития».

Фото ЮПИ.

ЕТСЯ

предупреждения ФИФА игроки стали более сдержанными. Местные спортивные газеты с нескрываемым удивлением сообщали, что в некоторых матчах игрок, сбивший с ног противника, помогал ему подняться и пожимал руку. Особенно корректной, по единодушному мнению обозревателей, была встреча второго тура между командами СССР и Колумбии.

Перед чемпионатом мира спортивная комиссия ФИФА, проводившая рассеивание команд по группам, не особенно высоко оценила команду Колумбии, отнеся ее в разряд «слабых». Начало матча СССР—Колумбия, казалось, подтвердило справедливость такого решения ФИФА. Уже на 12-й минуте игры советские футболисты вели со счетом 3 : 0. Два гола забил Валентин Иванов и один — Игорь Численко. Очевидно, наши ребята во втором тайме решили «отдохнуть»: ведь впереди их ожидали ответственные матчи. Тем более, что к 57-й минуте счет был уже 4 : 1. Однако случилось непредвиденное: обретшие второе дыхание колумбийцы сравняли счет. И сделали это за каких-нибудь 20 минут!

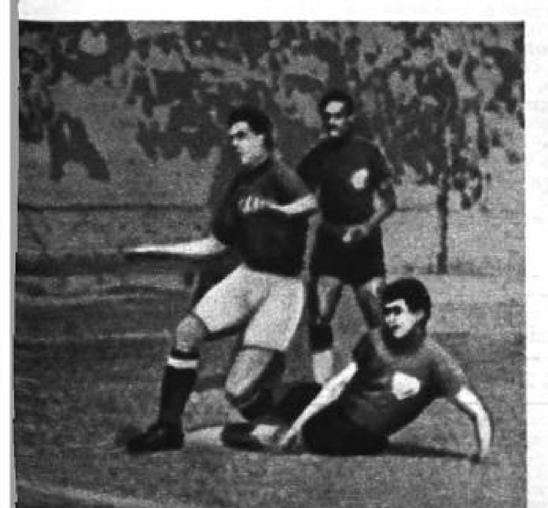
Сразу же спортивные газеты многих стран начали кричать о том, что «русские нокаутированы колумбийцами и вряд ли оправятся от удара». Не слишком ли преждевременное утверждение? Спору нет, ничья очень обидна, но наши парни не падают духом. Нельзя не отдать должное боевому задору и воле к победе колумбийских футболистов, и все-таки... если бы советские спортсмены не забыли на мгновение, что в Чили нет заведомо слабых команд, игра кончилась бы иначе.

И игра закончилась иначе — следующая, с Уругваем. За 20 секунд до конца напряженнейшего матча наши ребята добились победы и выхода в четвертьфинал.

...На турнире круг претендентов сужается. Через десять дней мир узнает имя достойного, того, кто сумеет покорить гордое сердце «Золотой богини».

О. ИГНАТЬЕВ,
спецкорр. АПН

Арика.

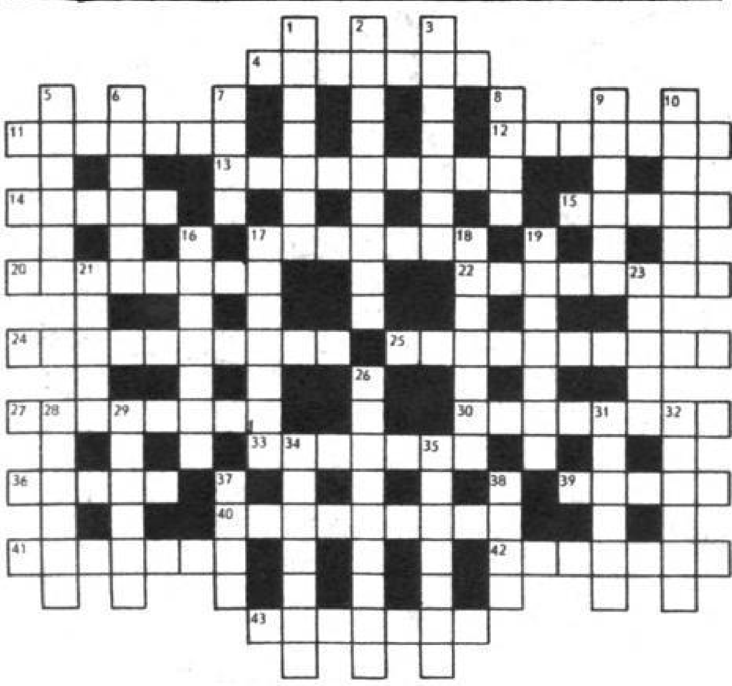


Вот он, результат недопустимой грубости. Чилийские санитары уносят получившего серьезную травму Эдуарда Дубинского.

На берегу Тихого океана В. Понедельник, С. Метревели, А. Шестернев изучают лангуста.

Фото АПН—АП.

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Фильм А. П. Довженко. 11. Украинский танец. 12. Круглый хлеб. 13. Особенность предмета, явления. 14. Музыкально-драматическое произведение. 15. Гриб. 17. Город в Московской области. 20. Сорт яблок. 22. Раздел механики. 24. Аппарат для записи и воспроизведения звука. 25. Вид лосося. 27. Простор. 30. Главная магистраль. 33. Повесть М. Горького. 36. Мастер, изготавливающий специальные стекла. 39. Залив Охотского моря. 40. Денежное пособие учащемуся. 41. Акробатический прыжок. 42. Знак препинания. 43. Книга стихов Э. Б. Межелайтиса.

По вертикали:

1. Узорная, сетчатая ткань. 2. Отвесная прямая линия. 3. Цветок. 5. Темно-багровая краска. 6. Масличный лен. 7. Прибор для определения времени. 8. Предмет мебели. 9. Столица Республики Мали. 10. Японский театр. 16. Источник света. 17. Симфония П. И. Чайковского. 18. Пристройка у входа в дом. 19. Высокий женский голос. 21. Цепь котловин в северной части Каракумов. 23. Осадочная горная порода. 26. Спортивная игра. 28. Определенный круг ролей. 29. Озеро в Великолукской области. 31. Французский комедиограф, преемник Мольера. 32. Синтетическое волокно. 34. Русский путешественник, автор книги «По белу свету». 35. Зодиакальное созвездие. 37. Река Вышневолоцкой водной системы. 38. Декоративное письмо.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

5. Арувими. 7. Манул. 8. Рюген. 9. Рубо. 10. Ноктюрн. 11. Дева. 13. Каракас. 16. Гардина. 18. Беллинсгаузен. 19. Вспашка. 22. Апофема. 25. «Абай». 26. Примула. 27. Ложа. 28. Мамай. 29. Индия. 30. Керосин.

По вертикали:

1. Шаланда. 2. Автотрансформатор. 3. Миранда. 4. Тамбур. 6. Петефи. 9. Рокировка. 12. Амальгама. 14. Анета. 15. Слива. 16. Глава. 17. Дрейф. 20. Плакат. 21. Копейка. 23. Платина. 24. Ежовик.

На первой странице обложки: На стадионе имени В. И. Ленина в Москве идет международный матч.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Детская вышивка по народным мотивам.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00104. Подписано к печати 6/VI 1962 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 888. Заказ № 1616.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Почему мы так говорим

БАЯН

«Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они сами князьям славу рокотали...»

Боян «Слова о полку Игореве», певец-дружинник конца XI — начала XII века, воодушевлял песнями воинов, идущих в поход. Имя Бояна стало нарицательным для поэта.

«Солист на баяне исполнит вальс Чайковского»,— объявляет радио.

На баяне? Боян из «Слова о полку Игореве»? Да, он.

Тула уже с 30-х годов прошлого века стала крупнейшим центром производства гармоний. Русские мастера создали много разновидностей гармоний, ставших любимым народным (и не только русским, но и марийским, татарским и других народов) инструментом. В 1870 году туляк кустарь Н. Белобородов изобрел новый совершенный инструмент — первую в мире хроматическую гармонию, имевшую в клавиатуре правой руки все 12 звуков современной музыкальной системы. Одно время считали ее изобретателем Мирвальда из Баварии, но его инструмент появился только в 1891 году — на 21 год позже белобородовского. Этот новый великолепный русский инструмент быстро стал любимым. Известный гармонист А. Орланский-Титаренко позже назвал его в честь древнерусского певца-сказителя Бояна (москвичи произносят неударяемое О как А) — «баяном». Удачное название, слово-памятник, полюбилось народу, быстро укоренилось и вошло в наш язык.

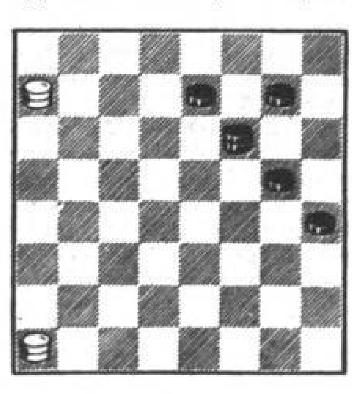
Н. УРАЗОВ

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

ЭТЮД

Д. Калинский (Ленинград)



Белые начинают и выигрывают.

●

Решение концовки Н. Абациева (Москва), помещенной в № 22

1. a5 b6! c7 : a5 (если 1... a7 : c5, то 2. e5 — d6 c7 : e5 3. e1 — d2 c3 : e1 4. g3 — h4 e1 : g3 5. h2 : f8 и выигрывают). 4. c1 — b2!! c3 : a1 5. e5 — f6! a1 : g7 6. a3 — b4 a5 : c3 7. e1 — d2 c3 : e1 8. g3 — h4 e1 : g3 9. h2 : c5 и выигрывают.

Вечер. В отделанном белым кафелем камине мирно пылают сложенные крест-накрест поленья дров. Веселый огонь играет тенями на лицах сидящих у камина людей. Папаша, уткнувшись в газету, пускает клубы дыма; мамаша ловко орудует вязальными спицами; дети, охватив ручонками коленки, сидят на ковре и внимательно следят за причудами пламени. Словом, типично английская, столько раз воспетая классической литературой семейная идиллия.

Подойдя к камину поближе, вы обнаруживаете, что он отапливается электричеством. И дрова и пламя в камине не настоящие, а декоративные.

Декорация понадобилась для того, чтобы соблюсти традицию. Ибо камин — символ семейного благополучия. «Англичанину становится тепло, когда он видит огонь»,— так шутят жители Альбиона.

Английские традиции — это, пожалуй, первое, с чем сталкиваешься на Британских островах. Традиций много — полезных и вредных, смешных и нелепых.

Конечно, хорошо, что жизнь в Англии подчиняется строгому, раз навсегда установленному ритму. Хорошо, что страна завтракает и обедает в одно и то же время — тот, кому это покажется скучным, пусть подумает хотя бы о связи режима питания с числом желудочных заболеваний. Хорошо, что англичане от мала до велика увлекаются спортом. Хорошо, что они исключительно вежливы: «Сэнкью» — «Благодарю вас»,— пожалуй, никакие другие слова не услышишь в Англии так часто.

Однако трудно сдержать улыбку, когда видишь судей в париках и средневековых мантиях. Нелепо следовать традиции, запрещающей в воскресенье ставить в театре какой бы то ни было спектакль.

— Чудесная погода, не правда ли? — дружелюбно обратился ко мне чиновник лондонского аэропорта, когда я прилетел в Англию, и эту фразу

(или ее антипод — «Плохая погода, не правда ли?») мне приходилось слышать потом по нескольку раз в день. Говорить о погоде здесь тоже стало традицией.

Многие англичане получают письма в конвертах, на которых после фамилии адресата проставляются три буквы: «Эск». «Эск» — сокращение от слова «Эсквайр», что некогда означало «мелкий помещик». Теперь это слово утратило свое первоначальное значение и по традиции пишется для того, чтобы подчеркнуть к кому-либо свое уважение.

...Бегут годы, одни традиции отмирают, на смену им приходят другие. Как хорошие, так и плохие.

Как же их встретила «старая добрая Англия»?

Просматривая по приезде в Лондон объявления о сдаче внаем квартир, я то и дело наталкивался на примечания: «Простите, цветным не сдаем». О, да, англичане никогда не забудут извиниться, но сути дела это не меняет. Традиция считает дурным тоном сдавать неграм жилье в районах, населенных белыми.

Если у вас темная кожа, вам не только придется жить в худших районах Лондона или Ливерпуля. Вы будете выполнять самую черную и низкооплачиваемую работу. Не вздумайте претендовать на должность хотя бы скромного клерка: будь вы семи пядей во лбу, ничего из этого не выйдет. Вас могут не обслужить в пивной или не дать номера в отеле. И сделают это по-английски корректно, выражая «искреннее сожаление».

«Если когда-либо,— пишет в буржуазном еженедельнике «Обсервер» журналист Мервин Джонс,— вы, пытаясь купить какой-нибудь дефицитный товар, получали вежливый отказ, а затем видели, как кто-то другой заходил и покупал его, вы поймете, как чувствует себя среди нас в течение всей своей жизни человек с темной кожей. Ему не запрещают чего-либо просить, но ни один закон не гарантирует, что он это получит». И, назвав многочисленные примеры расовой дискриминации, Мервин Джонс подводит читателя к выводу, что цветные в Англии находятся на положении граждан «второго сорта».

К счастью, эта страна дает пример и для других, более отрадных размышлений.

Я видел, как белые и негры гневно протестовали против интервенции американских наемников на Кубе,— то было волнующее зрелище интернациональной солидарности людей, охваченных единым порывом. Встречался с участниками марша к американской базе подводных лодок в Холи-Лох — глаза людей горели ненавистью к заокеанским факельщикам войны и горячей любовью к родине. Слышал, как жители Уэльса у ворот западногерманского танкового полигона в Каслмартине, скандировали: «Бундесвер, убирайся домой!» Видел, как тысячи людей во главе с всемирно известным Бертраном Расселом часами сидели на Трафальгарской площади, полные решимости спасти свою страну от ядерной катастрофы.

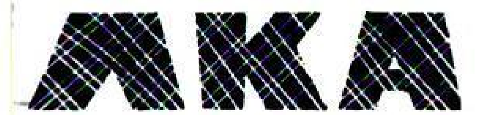
Трудно прожить сейчас в Англии хотя бы неделю и не быть свидетелем демонстраций, требующих от своего правительства стать на почву реализма, покончить с безрассудной политикой гонки вооружений и «холодной войны», пойти по пути мира. Они, эти демонстрации, тоже стали традицией.

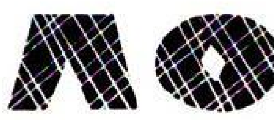
Л. БАГРАМОВ

Лондонские часы по нью-йоркскому времени.

У Букингемского дворца. Гвардеец попал в окружение...

В лондонском метро.

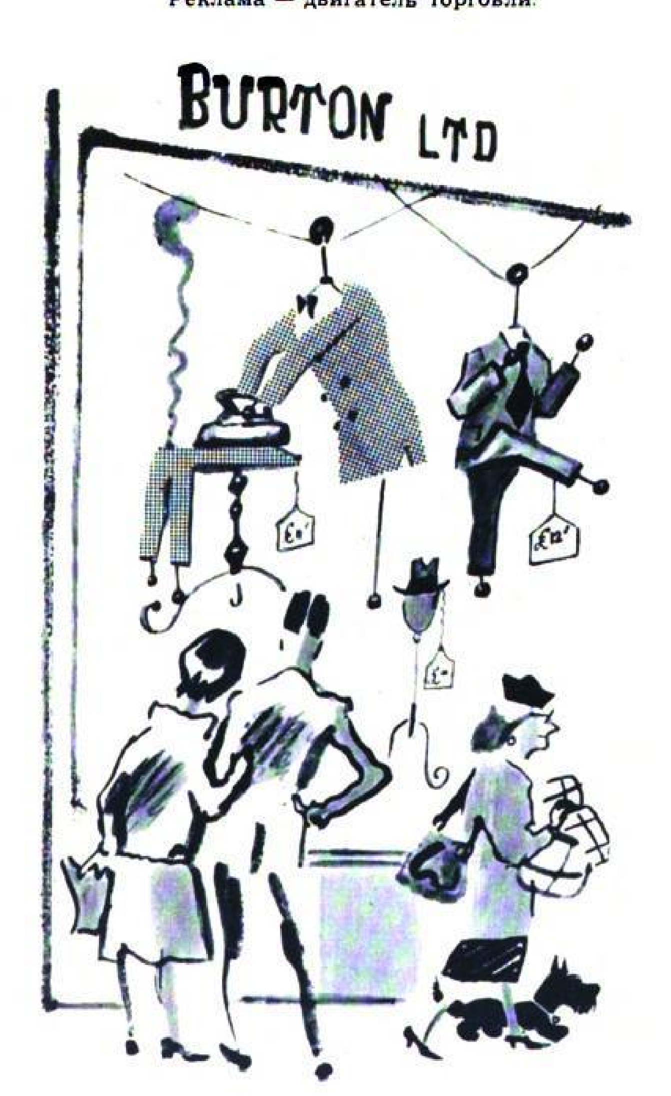




...ЯКА ПО ЛОНДОНУ

Рисунки ВЛ. ГАЛЬБЫ

Реклама — двигатель торговли.



Клерком надо родиться.

Верх вежливости.

Ресторан «Собачья жизнь».

Глубокое проникновение в абстракционизм.

Цена номера 30 коп.